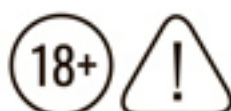

АВТОРЫ-СОСТАВИТЕЛИ
Ю.В. ТРУНЦЕВСКИЙ, В.В. СЕВАЛЬНЕВ

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХИАТРИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ГОРГОДЕЦ

Коллектив авторов

**Криминальная психиатрия.
Сборник научных трудов
20-х годов XX века. Кн. I**

Издательский дом «Городец»

2025

Коллектив авторов

Криминальная психиатрия. Сборник научных трудов 20-х годов XX века. Кн. I / Коллектив авторов — Издательский дом «Городец», 2025

ISBN 978-5-908133-47-0

Данное издание представляет собой первый из пяти сборников научных трудов сотрудников Государственного института по изучению преступности и личности преступника (сейчас — Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации) и его региональных отделений (кабинетов) 1920-х годов, отражающих истоки и развитие криминальной психиатрии в отечественной науке. В работах подробно рассматриваются биопсихосоциальные аспекты личности преступника, психопатология правонарушений, особенности подростковой и половой преступности, а также социальные явления, связанные с нищенством и беспризорностью. Авторы анализируют преступное поведение с междисциплинарной точки зрения, сочетая клинические наблюдения с социолого-правовыми подходами, что позволило заложить основы современной судебной психиатрии и криминологии в СССР. Особое внимание уделяется практическому применению исследований в системе юстиции и пенитенциарной педагогики, а также организации криминологических клиник для комплексного изучения и коррекции поведения правонарушителей. Издание является важным источником для понимания исторического контекста формирования научных представлений о личности преступника и преступности в условиях социально-политических перемен 1920-х годов. Оно раскрывает методологические и клинические подходы, которые легли в основу дальнейшего развития отечественной криминальной психиатрии.

ISBN 978-5-908133-47-0

© Коллектив авторов, 2025

© Издательский дом «Городец», 2025

Содержание

Предисловие	7
Введение	8
Преступный мир Москвы	54
Изучение личности преступника в СССР и за границей	63
Преступник и преступность	72
Что такое преступник?[97]	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Ю.В. Трунцевский, В.В. Севальнев
Криминальная психиатрия
Сборник научных трудов
20-х годов XX века

© Трунцевский Ю.В.,

Севальнев В.В., 2026

© ИД «Городец», 2026

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

@ Электронная версия книги подготовлена ИД «Городец» (<https://gorodets.ru/>)

Предисловие

Настоящее издание представляет собой первый из пяти сборников научных трудов, подготовленных в 1920-е годы ведущими отечественными психиатрами – сотрудниками Государственного института по изучению преступности и личности преступника (ГИИПП; сейчас – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации) и его региональных филиалов. Эти работы являются уникальным свидетельством становления и развития криминальной психиатрии как самостоятельного научного направления в российской (советской) науке, находящегося на стыке медицины, криминологии и уголовного права. Особый интерес представляют исследования, выполненные в период интенсивного поиска научных основ для понимания природы преступности и личности правонарушителя в условиях послереволюционного общества, переживавшего глубокие социальные трансформации.

Криминальная психиатрия, как и криминология, в этот период стремилась к комплексному изучению преступного поведения, рассматривая его не только как юридический факт, но и как результат взаимодействия биологических, психических и социальных факторов. В центре внимания исследователей находилась личность преступника – с ее психофизическими особенностями, мотивацией, социальной адаптацией и реакцией на внешние раздражители. Именно ГИИПП в 1920-е годы в СССР были предприняты первые попытки систематического, междисциплинарного и клинически обоснованного изучения преступников, в том числе с использованием стационарных наблюдений, анкетирования, психодиагностики и биосоциального анализа.

Книга включает материалы, в которых отражены результаты обследования тысяч правонарушителей, проведенного в рамках деятельности Московского, Ленинградского, Саратовского и Ростовского кабинетов ГИИПП. В этих работах рассматриваются такие важные темы, как психопатология преступного поведения, криминальные психопаты, подростковая преступность, половые преступления, убийства, хулиганство, кокаинизм, нищенство и беспризорность. Авторы – Е.К. Краснушкин, Н.П. Бруханский, В.В. Браиловский, М.П. Кутанин, А.О. Эдельштейн, Н.И. Озерецкий, А.М. Рапопорт и др. – не только анализировали индивидуальные особенности правонарушителей, но и стремились выявить закономерности, лежащие в основе преступности как социально-биологического явления.

Интерес этих работ заключается не только в их междисциплинарном подходе, но и практической направленности. Исследования проводились в тесной связи с органами юстиции, здравоохранения и пенитенциарной системы, а их результаты использовались для разработки мер социальной защиты, профилактики преступности, индивидуализации наказания и организации исправительно-трудового воздействия. Впервые в истории отечественной науки была предпринята попытка создания криминологических клиник, в которых преступник рассматривался не как абстрактный носитель уголовной ответственности, а как живая личность, нуждающаяся в понимании, диагностике и, возможно, лечении.

Таким образом, публикуемые в настоящем издании научные труды представляют собой не только исторический источник, отражающий научную мысль 1920-х годов, но и актуальный материал для современных исследователей, интересующихся вопросами истории судебной психиатрии, криминологии, пенитенциарной педагогики и науки. Они демонстрируют, как в условиях сложной социальной и политической обстановки формировалась отечественная школа криминальной психиатрии, заложившая основы для дальнейшего развития научного подхода к изучению преступности и личности правонарушителя.

Продолжение следует!

Введение

Криминальная психиатрия тесно связана с исследованиями личности в криминологии, поскольку обе дисциплины направлены на изучение внутреннего мира правонарушителя, его мотивации, психических особенностей и поведенческих отклонений, влияющих на совершение преступления. Обе области знания пересекаются в вопросах типологии преступников, анализа мотивации и предрасположенности к преступному поведению. Криминальная психиатрия предоставляет криминологии эмпирическую базу и клинические данные о психических аномалиях, которые могут быть криминогенно значимыми, в то время как криминология помогает интерпретировать эти данные в контексте социальной среды, условий жизни и биографических факторов. Таким образом, взаимодействие криминальной психиатрии и криминологии позволяет глубже понять личность правонарушителя, выявить причины и механизмы девиантного поведения, а также разработать более эффективные меры профилактики и индивидуализации уголовной ответственности.

Научные исследования по криминальной психиатрии проводились до революции и были связаны с формированием представлений о вменяемости и невменяемости, а также с попытками разграничить психические расстройства, влияющие на способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий. В этот период активно развивались идеи судебной психиатрии как самостоятельной отрасли знания, находящейся на стыке медицины, психологии и уголовного права. Особое внимание уделялось изучению патологических состояний личности, таких как мания, меланхолия, эпилепсия, а также моральное помешательство, которые могли служить основанием для признания лица невменяемым. Работы таких ученых, как В.М. Бехтерева, П.А. Бутковского, В.П. Сербского, П.И. Ковалевского, заложили фундамент для последующего развития отечественной криминальной психиатрии, определив основные подходы к диагностике и экспертизе психических состояний обвиняемых. Эти исследования способствовали формированию научно обоснованных критериев оценки психического состояния лица в момент совершения преступления, что имело важное значение для справедливого правосудия и индивидуализации уголовной ответственности.

Российские психиатры входили в состав лучших специалистов мирового уровня. Так, в немецкой газетной статье, изданной в Германии, отмечается особая роль ведущих криминологов, которые углубили доктринальные представления в указанной сфере настолько, что объединение их воззрений позволило авторам статьи представить очерк будущего развития науки. Особое место среди них занимают научные идеи *Е.К. Краснушкина*¹, высоко оцененные авторами статьи при анализе первопричин преступности, их проявлений и сопоставлений методов борьбы с преступлениями, отраженными в трудах таких видных ученых, как Х.Ф. Хентиг, Г. Глейспах и др.

Рост преступности в середине 1920-х годов потребовал научного осмысления причин и механизмов преступности, разработки обоснованных практических мер по ее профилактике.

¹ *Краснушкин Евгений Константинович* (1885–1951) – психиатр, доктор медицины, заслуженный деятель науки РСФСР, состоял членом Австрийского криминально-биологического общества с 1926 г., один из создателей отечественной судебной психиатрии как самостоятельной дисциплины. С 1919 по 1931 г. он являлся штатным психиатром московских тюрем, работая там как представитель Московского горздраотдела. Окончил медицинский факультет Московского университета, работал в различных московских психиатрических больницах, являлся ассистентом кафедры психиатрии, возглавляемой П.Б. Ганнушкиным, многие годы заведовал психиатрической клиникой Московского областного клинического института, возглавлял кафедры психиатрии нескольких вузов. Был одним из организаторов в 1921 г. Института судебной психиатрической экспертизы имени В.П. Сербского. В конце 1930-х годов перестал заниматься вопросами изучения личности преступника, организовал психиатрическую клинику в составе Московского областного клинического научно-исследовательского института и с 1943 г. до самой смерти являлся директором Московской областной психоневрологической клиники. Участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве эксперта.

Führer der modernen Kriminalwissenschaft

Kein Rechtszweig steht in engerem Zusammenhang mit dem Gefühlsleben des Volkes als das Strafrecht. So müssen wir erklären, daß in großen geistigen Krisen die Wellen des Zweifels und der Kritik zuerst gegen die Strafgesetzgebung anbrachen. Nicht der Minister ist für die Massen der Inbegriff der Staatsgewalt oder der obere Verwaltungsbeamte, sondern der Strafrichter und sein Ausführungsorgan, der Schutzmann. Daher die entscheidende Bedeutung des Strafrechts für den Zusammenhalt einer gegebenen Staatsordnung. Wo wir auch hinblicken, bis zurück zur grauen Vorzeit, in der die römischen Könige vertrieben wurden, immer war es die schwach gewordene oder versagende Gerechtigkeit, die den letzten Anstoß zu brüchigen, überraschenden politischen Entwicklungen gab. Solange der Strafrichter in voller innerlicher Unabhängigkeit seines königlichen Amtes waltet, ist ein Volk frei. Nicht der Inhalt der Verfassung und ihre Versprechungen, die wirkliche Praxis des Strafrichters, der ohne Furcht und Tadel ist, stellt das Fundament der politischen Freiheit dar.

Drei lange und doch kurze Jahre unterliegen die künftigen Träger dieses wichtigsten aller Staatsämter der geistigen Formung auf der Universität. Auf dieser Spanne Zeit beruht die pädagogische Bedeutung des Strafrechtslehrers für das politische und das kulturelle

Leben einer Nation. Der Strafrechtslehrer ist der Erzieher der wahren Herrscher eines Volkes. Man kann sagen, daß er an unsichtbaren Fäden die Geschichte eines Volkes hält.

Es ist noch nicht lange her, da gab es nichts, was die Studenten zu lernen hatten, als „Strafrecht und Strafprozess“. Eine Kriminalwissenschaft kannten nur wenige Völker, die von jeher einen besonderen Sinn für die

5.

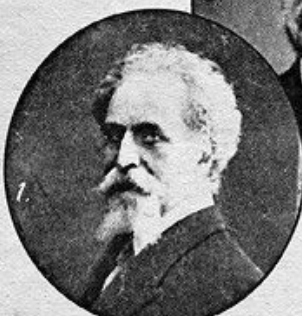
4.

3.

2.

1.

Wirklichkeit des Lebens hatten, wie die Italiener und die Amerikaner. Heute erweitert sich das Gebiet ins Ungeheure, denn immer neue Dinge treten neben die reiffe Systematik; wir beginnen den kriminellen Menschen selbst zu studieren, die Ursachen des Verbrechen, seine Erscheinungsformen zu erforschen und die Behandlungsmethoden, die bisher roh und summarisch gewesen waren, zu vertiefen. Erbittert wehrt sich die Vergangenheit, die nur eine Vergeltung kannte, jene absterbende Lehre, die auf genau abgezielte Tatbestände eine mit der Logarithmentafel ausgerechnete Strafwirkung setzte, ohne

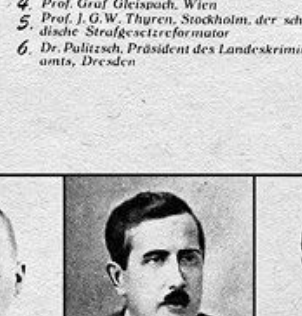
neuen Menschen selbst zu studieren, die Ursachen des Verbrechen, seine Erscheinungsformen zu erforschen und die Behandlungsmethoden, die bisher roh und summarisch gewesen waren, zu vertiefen. Erbittert wehrt sich die Vergangenheit, die nur eine Vergeltung kannte, jene absterbende Lehre, die auf genau abgezielte Tatbestände eine mit der Logarithmentafel ausgerechnete Strafwirkung setzte, ohne

6.

2.

3.

4.

1.

Rücksicht auf die ungeheure Verschiedenheit, mit der der lebende Mensch auf Strafaktionen reagiert. Aber Schritt für Schritt verliert das alte Dogma an Boden. Der Kampf der Anhänger der Sühne ist aussichtslos geworden gegenüber dem siegreichen Anprall der neuen Ideen und der neuen Behandlungsmethoden.

Es ist richtig, was einmal ein alter Kriminalist geschrieben hat, daß das Strafrecht die Schicksale eines Volkes, seine Lebenskraft und seinen Glanz, seine Verirrungen und seinen Verfall am ehesten teilt und widerspiegelt. Gerade weil die richterliche Unabhängigkeit eine Bastion ist, die nicht von jeder politischen Aenderung sofort im Sturme genommen werden kann, wächst der persönliche und

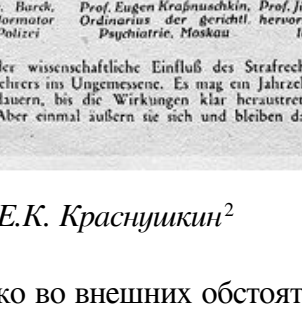
der wissenschaftliche Einfluß des Strafrechtslehrers ins Ungemessene. Es mag ein Jahrzehnt dauern, bis die Wirkungen klar heraustreten. Aber einmal äußern sie sich und bleiben dann

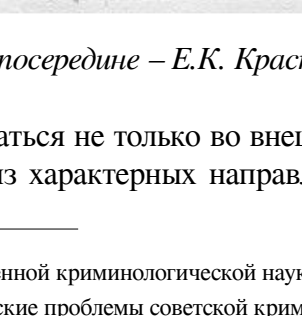
6.

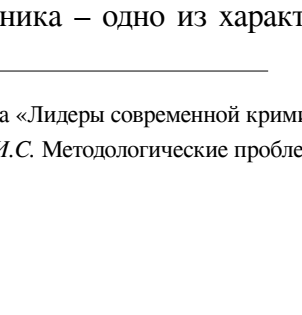
2.

3.

4.

1.

Ministerialrat Dr. Barch, Karlsruhe, der Reformator der badischen Polizei

Prof. Eugen Krafnuschnkin, Prof. Jimenez de Asua, der Ordinarius der gerichtl. hervorragende Strafrechts-Psychiatrie, Moskau

Prof. J. G. W. Thüngen, Stockholm, der schwedische Strafrechtsreformator

Dr. Politisch, Präsident des Landeskriminalamts, Dresden

Prof. Enrico Ferri, Rom, Verfasser des ital. Entwurfs von 1921

Prof. Michael Hentig, der Moskauer Kriminalsoziologe

На фото внизу, посередине – Е.К. Краснушкин²

Попытка разобраться не только во внешних обстоятельствах, но и в свойствах психики преступника – одно из характерных направлений в работе ученых 1920-х годов³. Исследо-

² Газета «Лидеры современной криминологической науки». Германия, 1910–1912. ОР. Ф603. К. 12. Ед. хр. 18. Л. 4.

³ Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1975. С. 28.

вания преступников носили комплексный характер и ставили своей задачей выявление как криминогенных качеств среды, так и социальных и психофизических свойств человека, способного совершить преступление⁴. «Исследования широко варьировались от биопсихологических исследований, на которые оказали сильное влияние труды итальянских позитивистов, до социолого-статистических исследований; также была освещена оценка мер наказания»⁵.

«На I Всероссийском съезде психоневрологов, проходившем в январе 1923 г. в Москве под председательством С.В. Познышева, работала секция по криминальной психологии. На этой секции был заслушан ряд докладов по различным направлениям применения психологии в юриспруденции. В резолюциях съезда указывалось на необходимость создания при пенитенциарных учреждениях лабораторий для проведения криминально-психологических исследований, увеличение количества кадров криминалистов-психологов»⁶.

В 1925 г. для изучения преступности был организован при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) РСФСР Государственный институт по изучению преступности и личности преступника (ГИИПП)⁷, деятельность которого с его филиалами-кабинетами по изучению преступности развивалась уже в конце 1920-х годов⁸.

В пунктах ст. 1 Положения ГИИПП о цели его деятельности изучение отдельных лиц должно было осуществляться лишь в интересах выяснения явления преступности (п. «д» ст. 1), т. е. как явление массового и в своей основе социально-экономического значения. Связь ГИИПП с различными наркоматами и в том числе с НКЗ и первоначальный кадровый состав работников ГИИПП, присутствовавших на первом организационном собрании, на котором были представлены различные области знания не только юридического, социологического, но и биологического (психология и психиатрия) – все это свидетельствовало о намечающемся широком размахе в работе⁹.

Созданию ГИИПП предшествовала организация Криминологического кабинета в 1923 г. в Москве при активном участии профессора и психиатра Н.П. Бруханского¹⁰.

Так, на IX Международном пенитенциарном конгрессе, проходившем в 1925 г. в Лондоне¹¹, доктор *Марิโอ Каррара* – профессор судебной медицины Туринского университета – в своем докладе отметил вклад Н.П. Бруханского¹², создавшего в 1922 г. клинику для

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Гродзинский М.М. Диспут к вопросу об изучении преступности в СССР // Революция права. 1929. № 3. С. 47–78; 47.

⁶ Костицкий М.В. Введение в юридическую психологию: методологические и теоретические проблемы. Киев: Выща шк., 1990. С. 40.

⁷ Ширвиндт Е.Г. К сорокалетию исправительно-трудовой политики советского государства. М.: Изд-во МВД СССР, 1957. С. 20–21.

⁸ Постановлением СНК РСФСР от 28 февраля 1933 г. № 172 «О сети научных учреждений республиканского подчинения» было ликвидировано отделение Института в Ростове-на-Дону, а отделения в Казани и Ленинграде «соединены с соответствующими кафедрами Казанского и Ленинградского институтов советского права как научно-исследовательские кабинеты» (подп. «д» п. 1), которые оставались отделениями Института (см., например: Приказ по Институту от 23 июня 1933 г. № 68 «О командировании в Казань сотрудника для обследования деятельности филиала Института»).

⁹ См.: Трущевский Ю.В. О методологических основах криминологических исследований по изучению личности преступника // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 4. С. 158–167; Трущевский Ю.В. Изучение личности преступника и наказание (к 100-летию Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации) // Концептуальные проблемы обеспечения законности в современных условиях (2020–2022 годы): сб. / под общ. ред. К.И. Амирбекова; Ун-т прокуратуры РФ. М., 2023. 414 с.

¹⁰ Бруханский Николай Павлович (1893–1948) – один из ведущих судебных психиатров. Возглавлял психиатрическую клинику Смоленского университета, работал в Научно-исследовательском институте судебной психиатрии имени В.П. Сербского, автор руководства «Судебная психиатрия» (М., 1928), многих публикаций, посвященных социальным проблемам психиатрии. В 1937 г. Н.П. Бруханский был арестован за вымышленные «контрреволюционные преступления» и погиб в Киргизской зоне ГУЛАГа.

¹¹ Actes du Congrès Pénitentiaire International de Londres août 1925. Berne Bureau de la Commission Pénitentiaire Internationale, 1927.

¹² Бруханский Н.П. Судебная психиатрия / с предисл. проф. П.Б. Ганнушкина. М.: М. и С. Сабашниковы, 1928. 439 с.

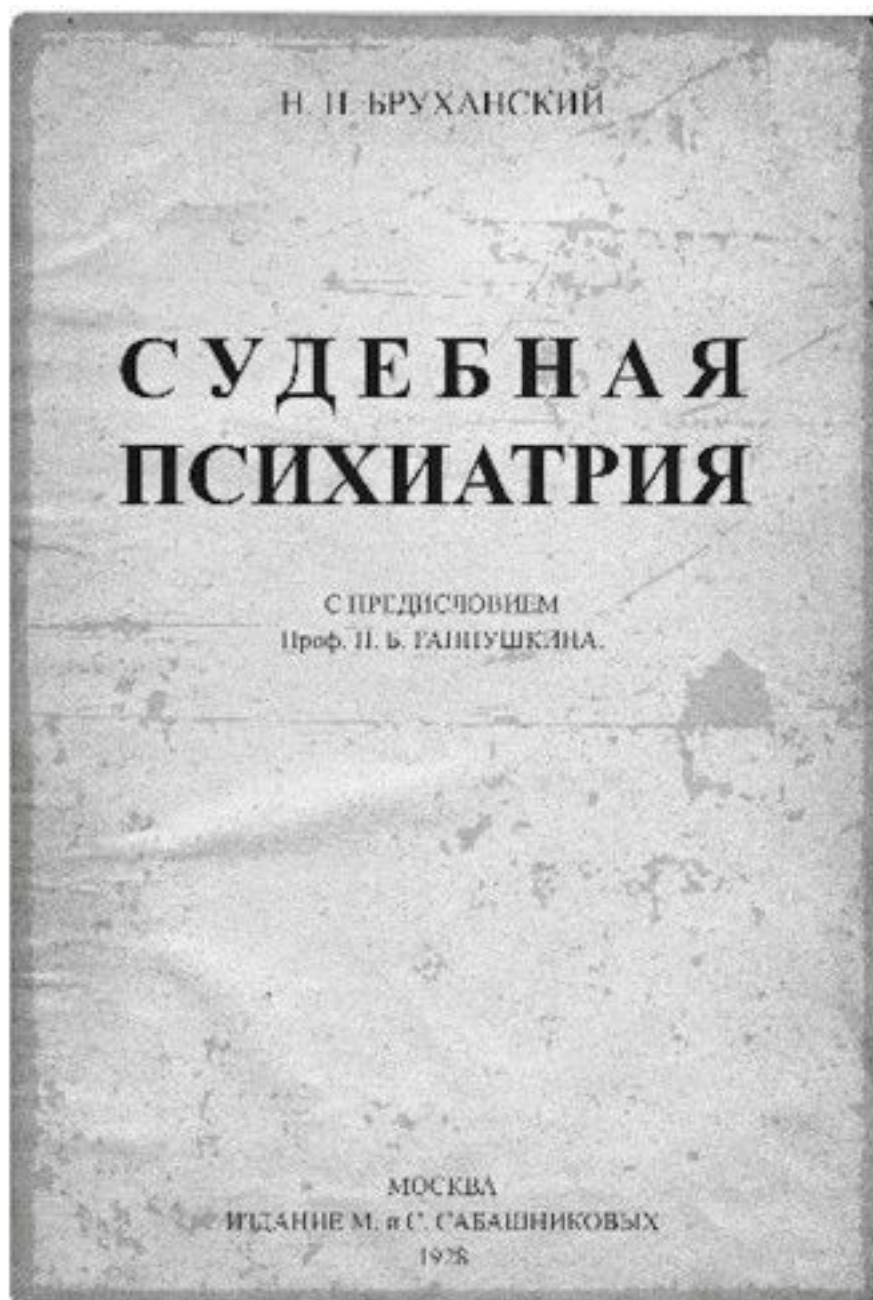
обследования правонарушителей – Институт судебно-психиатрической экспертизы имени В.П. Сербского¹³. Сюда направлялись подозреваемые в психических расстройствах осужденные и подследственные для психиатрической экспертизы и для определения вменяемости или невменяемости по инкриминируемым им преступлениям. Инициаторами создания такого учреждения были Народный комиссариат здравоохранения и органы судопроизводства, что объяснялось введением в тот период в действие законодательных актов, в которых большое внимание уделялось личности правонарушителя, мотивации его поступков и требовало во многих случаях компетентного судебно-психиатрического анализа. В группу психиатров, наряду с Н.П. Бруханским, В.В. Браиловским и Л.Г. Оршанским, входил руководитель Московского криминологического кабинета Е.К. Краснушкин¹⁴. Профессиональные врачи руководили лечебной частью деятельности института, а административная часть подчинялась Главному управлению мест заключения Объединенного государственного политического управления.

¹³ В настоящее время – Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского.

¹⁴ *Погорелов М.А.* Медикализация преступности в советской судебной психиатрии, 1918–1936 гг. // Журнал исследований социальной политики. 2018. № 2. С. 205–210; 210.

Николай Павлович Бруханский

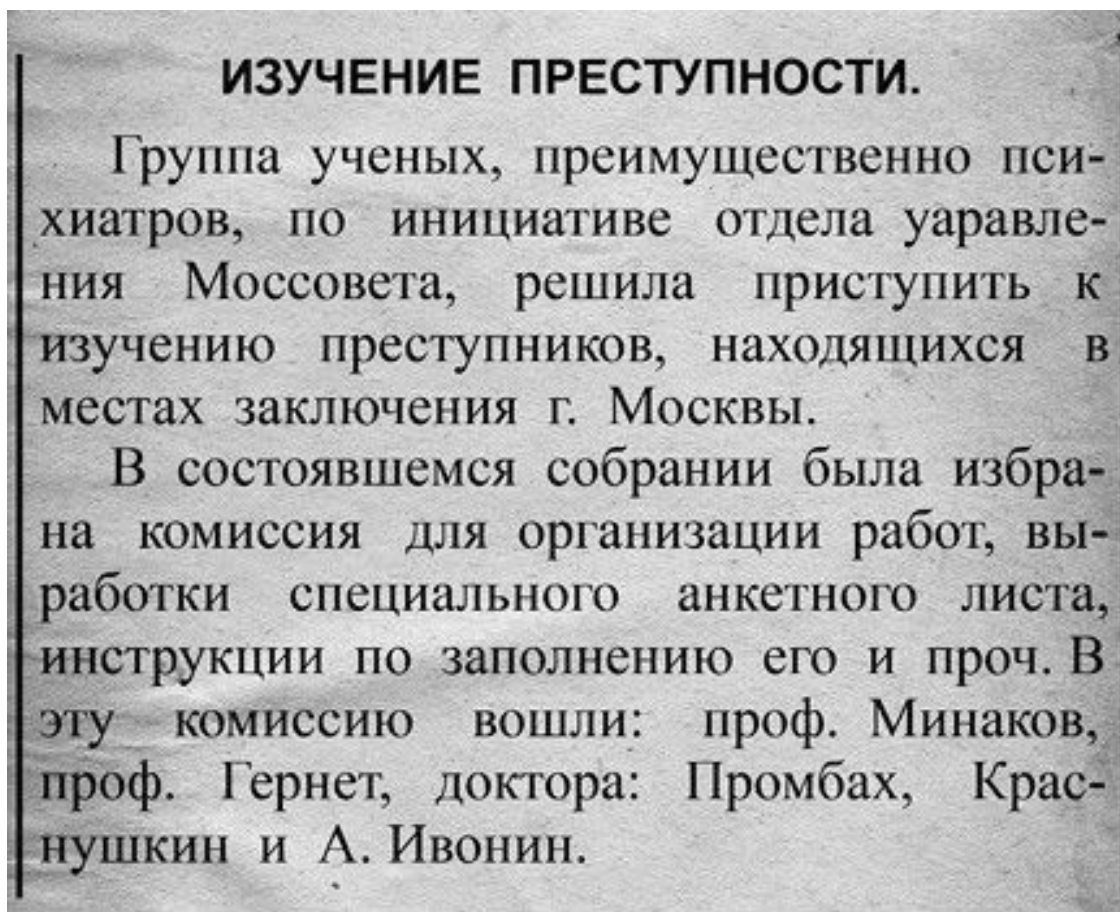

Титул издания «Судебная психиатрия» (1928)

Итак, в 1920-е годы в СССР началось углубленное изучение преступности и преступников теоретиками, криминалистами, психиатрами, психологами и антропологами. Первой крупной попыткой изучения явилось обследование весной 1923 г. заключенных всех арестных домов Москвы. Инициатива такого обследования исходила от административного отдела Московского совета. Предложение было обращено к московским ученым и было принято ими с настоящим энтузиазмом. Такое их состояние вполне понятно – до этого доступ в пенитенциарные заведения имели только тюремные врачи – для всех остальных специалистов он оставался закрытым, и проникнуть к преступному миру за тюремные стены при царском режиме для ученых было так же трудно, как заключенным бежать из этих стен.

Криминологические учреждения по изучению преступности в те годы обращались к длительному наблюдению за отобранными заключенными.

В апреле 1923 г. в Московском доме ученых¹⁵ собралась группа работников различных научных специальностей – психиатрии, статистики, криминологии, антропологии и криминалистики (техника уголовного розыска), чтобы обсудить предложение начальника административного отдела Московского совета В.Л. Орлеанского о проведении анкетного обследования заключенных московских арестных домов¹⁶.

«Известия» от 15 февраля 1923 г.¹⁷

Была избрана комиссия по проведению обследования, которая разработала его программу и анкету, заполняемую на каждого заключенного¹⁸. Анкета была составлена представителями трех специальностей: социологом, психиатром и антропологом.

«Программа обследования содержала три части: социологическую, психиатрическую и антропологическую. Из трех частей последняя – антропологическая – осталась совсем не исполненной, психиатрическая была исполнена в отношении 25 % обследованных, а социологически было обследовано почти все население арестных домов. Это был первый в истории

¹⁵ Центральный дом ученых (ЦДУ) был создан в 1922 г., а его первым председателем правления был Народный комиссар здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко. С первых дней своего создания ЦДУ стал местом культурного общения ученых различных специальностей, его также посещали артисты, литераторы и другие деятели искусства.

¹⁶ Изучение личности преступника в СССР и за границей: сб. ст. М.: Мосздравотдел, 1925. 66 с.

¹⁷ В заметке опечатка, правильно – доктор Громбах.

¹⁸ По другим данным, в комиссию по составлению анкеты вошли пять психиатров (В.А. Громбах, Е.К. Краснушкин, Л.А. Левин, А.М. Терешкович) и юрист – М.Н. Гернет (Хроника // Право и жизнь. 1923. № 4. С. 198).

русской научной мысли случай, когда тюремные двери открылись перед не состоявшими в штатах мест заключения криминалистами-социологами»¹⁹.

В.А. Громбах (справа) на I съезде Русского союза психиатров и невропатологов в Москве (1911).

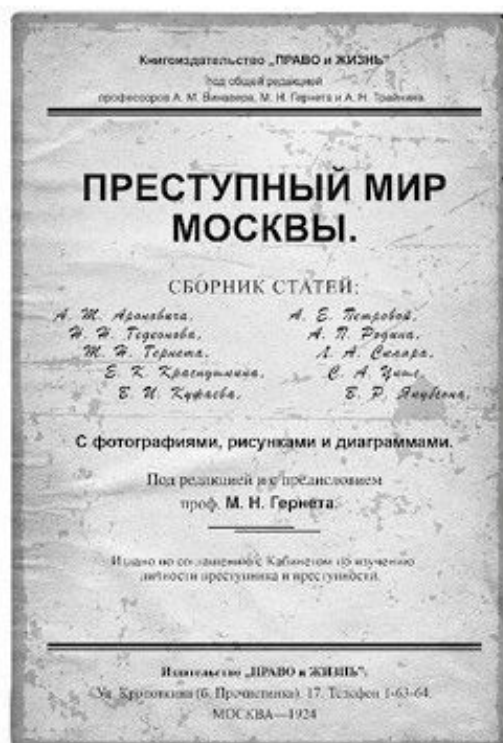
Посередине – В.П. Сербский, стоит справа – П.Б. Ганнушкин

Итогом этой работы было издание сборника под редакцией М.Н. Гернета²⁰ «Преступный мир Москвы»²¹.

¹⁹ Изучение личности преступника в СССР и за границей. С. 16.

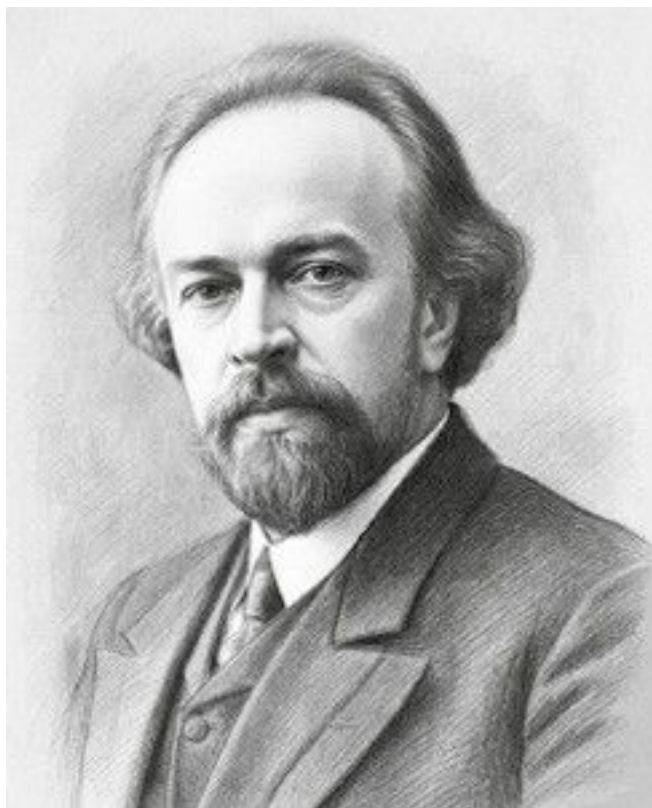
²⁰ Гернет Михаил Николаевич (1874–1953) – доктор юридических наук, профессор, российский и советский ученый-правовед, заслуженный деятель науки РСФСР. Один из создателей Московского кабинета. С 1925 г. возглавлял социально-экономическую секцию Государственного института по изучению преступности и преступника при НКВД РСФСР.

²¹ Преступный мир Москвы: сб. ст. / под ред. М.Н. Гернета. М.: Право и жизнь, 1924. 246 с.

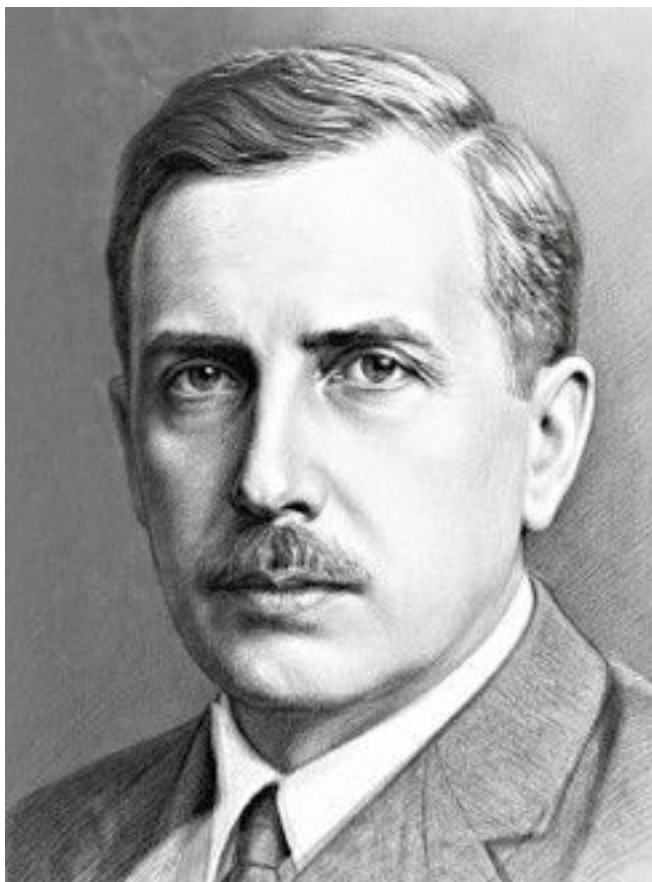
Выдержка (обложка, титул и портреты) из сборника статей «Преступный мир Москвы» (1924)

Петр Андреевич Минаков²²

Статья психиатра Е.К. Краснушкина в сборнике была посвящена криминальным психопатам и вопросу борьбы с ними. Материалом для этой статьи послужило психиатрическое обследование почти 650 заключенных арестных домов. Автор установил, что 30 % преступного мира Москвы составляют психопатические личности.

²² Минаков Петр Андреевич (1865–1931) – выдающийся судебно-медицинский эксперт и антрополог. Возглавлял кафедру судебной медицины Московского государственного университета, основал Институт судебной медицины и кафедру судебной медицины 2-го Московского медицинского института.

Евгений Константинович Краснушкин

Результаты этих исследований оказались настолько интересными и ценными, что совершенно естественно возникла мысль об организации регулярного обследования преступников.

В архиве Московской области хранится обращение «через начальника отдела управления Московского совета» в Президиум Моссовета²³. В качестве приложения к обращению была подготовлена докладная записка врача-психиатра *Н.П. Бруханского* «К вопросу об организации кабинета по обследованию личности преступника и преступности» следующего содержания²⁴.

«I. Задачи.

1. Изучение личности преступника в ее целом и во взаимодействии с каждым из элементов, влияющих на жизнь.
2. Изучение пограничных состояний.
3. Социальная психопатология и установление границ между психической недостаточностью (болезнью) и преступлением.
4. Классификация личностей.
5. Отыскание методов борьбы по предупреждению и ликвидации преступности. Социальная гигиена, психопрофилактика.
6. Вылавливание душевнобольных.

II. Методы.

1. Обследование преступника и преступления с точек зрения:
 - а) социальной;

²³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 19. Д. 143. Л. 65, 65об.

²⁴ Там же. Л. 66, 66об.

б) психологической;

в) психиатрической;

г) антропологической.

2. Фотографические снимки.

3. Дактилоскопия.

4. Катанез (судьба исследуемых в дальнейшем).

III. Материал.

Население Московского управления уголовного розыска и арестных домов .

IV. Средства.

1. Элементарные психологические и антропологические инструменты и приборы .

2. Материалы Московского управления уголовного розыска и судебного следствия .

3. Штаты: один заведующий, один врач-психиатр, один социолог-криминалист, один психолог, один статистик.

4. Библиотека (периодическая печать по специальным вопросам).

5. Научные конференции».

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО ОБСЛЕДОВАНИЮ
ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ПРЕСТУПНОСТИ.

Докладная записка
Николая БРУХА ВАСИЛЬЕВИЧА.

I. Задачи:

1. Изучение личности преступника в ее целом и во взаимодействии с каждым из элементов, влияющих на жизнь.
2. Изучение пограничных состояний.
3. Социальная психо-патология и установление границ между психической недостаточностью /болезнью/ и преступлением.
4. Классификация личностей.
5. Отыскание методов борьбы по предупреждению и ликвидации преступности. Социальная гигиена, психо-профилактика.
6. Выявление душевно-больных.

II. Методы:

1. Обследование преступника и преступления с точек зрения:
 - а/социальной,
 - б/психологической,
 - в/психиатрической,
 - г/антропологической,
2. Фотографические снимки /фотография МУУР-а/.
3. Тактильные снимки.
4. Катанов /дл. судьба исследуемых в дальнейшем/.

III. Материал

Числовые МУУР-ы Арестных дел.

IV. Средства

1. Элементарные психологические и антропометрические инструменты и приборы.
2. Материалы МУУР-а и судебных следствия.
3. Чины: Заведующий - I, врач психиатр - I, социолог-криминалист - I, психолог - I, статистик - I.
4. Библиотека /периодическая печать по специальным вопросам/.
5. Научные конференции.

Н. В. Бруха.

Докладная записка врача-психиатра Н.П. Бруханского

В июне этого же года, и по инициативе того же В.Л. Орлеанского, постановлением Президиума Московского совета РК и КД от 11 июня 1923 г. № 102 было решено учредить кабинет по изучению преступника и преступности.

54

ПРОТОКОЛ № 115

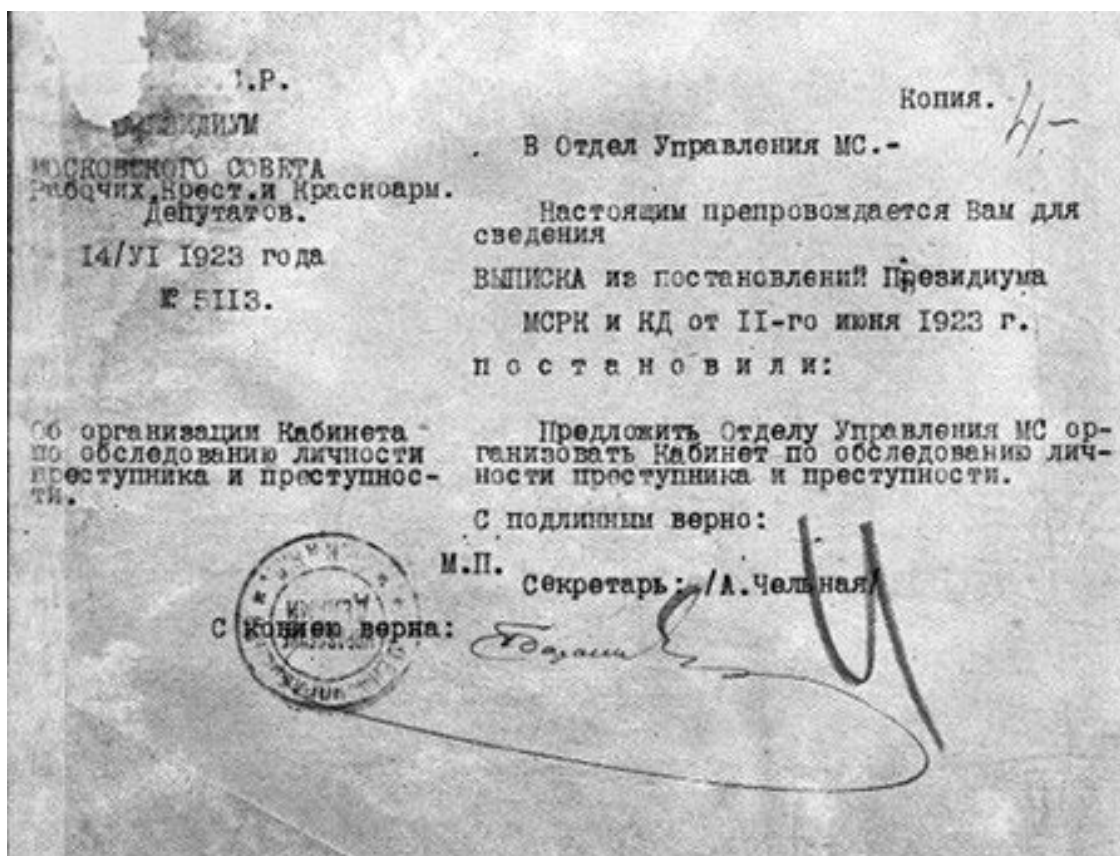
ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА МОСКОВСКОГО СОВЕТА РК и ДК
от 11 июня 1923 года № 102

Присутствуют: т.т. РОГОВ, ВОЛКОВ, ФАТЬЯНОВ, ВУЛЬФСОН, КЛИМОХИН
и ЛИСИЦЫН.

Председательствует: РОГОВ.

слушали:	п о с т а н о в и л и:	исполнили:
102 Об организа- ции Кабинета по обследова- нию личности преступника и преступно- сти.	Предложить Отделу Управления ШС организовать Кабинет по обследованию личности преступника и преступности.	
	ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: СЕКРЕТАРЬ:	

Постановление Президиума Московского совета РК и КД от 11 июня 1923 г. № 102

Выписка из постановления Президиума МСРК и КД от 11 июня 1923 г.

Клиника для изучения преступников.

12 июня президиум Московского Совета утвердил доклад отдела управления о необходимости создания «кабинета по изучению преступника и преступности».

На-днях состоялось заседание кабинета, на котором присутствовали: нач. отдела управления т. Орлеанский, проф. Ганушкин, проф. Гернет, зав. психосекций наркомздрава. И. И. Захаров, зав. психосекцией мосздравотдела Громбах, главный врач больницы имени Кащенко (бывш. Канатчикова дача) П. П. Бруханский, члены коллегии защитников П. Н. Малянтович и С. П. Ордынский, проф. Трайнин, доктор Терешкович и др.

Зав. кабинетом д-р Н. И. Бруханский, ознакомив собравшихся с историей организации кабинета, рассказал об его работе. Прежде всего, кабинету при изучении всевозможного преступного материала пришлось воспользоваться не только обычно применяемым в таких случаях методом индивидуально - психологически-клинического изучения. Такое комбинированное обследование проводится следующим образом: все поступившие в течение суток в МУУР проходят через «амбулаторное» обследование и заполняют подобную анкету. Наиболее интересные лица или же по определенным заданиям направляются в специальное помещение на все время их пребывания в МУУР'е. Такие лица подвергаются особому наблюдению. В настоящее время под «кли-

нику» отведены две камеры. В ближайшее время вводится постоянный наблюдающий персонал. Таким образом, создается **первая в мире клиника по изучению преступника.**

Т. Орлеанский указал, что проводимая параллельно работа по обследованию мест заключения привела к важному общественно-научному делу: мы подошли к необходимости учредить исследовательский кабинет и клинику для преступников. Такое учреждение до сей поры не было известно не только в России, но и Западной Европе. В ближайшее время один из московских арестных домов, человек на 50, будет приспособлен под организуемую клинику. В эту клинику будут помещаться те из арестованных, которых кабинет признает полезными для изучения и поддающимися благотворному воздействию. Для заключенных будет установлен особый режим.

Докладчик отметил весьма характерный факт: некоторые заключенные, на себе испытавшие тяжесть тюремного режима, приветствуют создание подобного учреждения. Гражданин С., бывший абориген тюрем, прислал кабинету целую исповедь, в которой отмечает ценность этого гуманного начинания.

Выступавшие далее члены кабинета приветствовали его создание, отмечая факт нового достижения советской власти.

«Известия» от 29 июля 1923 г.

ЛЕКЦИИ. ДОКЛАДЫ И КОНЦЕРТЫ.

- В Доме ученых Цекубу состоится заседание евгенического общества. В программе доклады: Н. Н. Бруханского: «Кабинет по изучению личности преступника» и Г. Я. Тартаковского: «Вопрос об изучении преступности на основании анкетного материала». Начало в 8 ч. веч. Вход для членов евгенического общества, членов клуба Дома ученых. Гости входят по рекомендации членов.

«Известия» от 26 октября 1923 г.

Н.П. Бруханский, по инициативе которого был организован кабинет, очень увлекся этим делом (на тот момент он был ординатором Института имени Сербского) и активно пропагандировал его деятельность в научных кругах.

Живейший интерес к работе кабинета проявляли виднейшие представители мировой психиатрии из-за рубежа (профессора *Мартен* и *Ашаффенбург*).

«Известия» от 5 июня 1924 г.

Однако под влиянием Ц. Файнберга²⁵ этот кабинет был отобран у Бруханского, а во главе его назначен Е.К. Краснушкин²⁶.

Первоначально штат кабинета составляли пять человек: заведующий, врач-психиатр, социолог-криминалист, технолог и статистик²⁷.

Костяк исследователей кабинета сформировали тогда психиатры, имевшие в нем большинство (Е.К. Краснушкин, А.О. Эдельштейн, В.И. Аккерман, А.Н. Бунеев, В.А. Внуков, Н.И. Озерецкий²⁸ и др.), юристы (А.А. Герцензон, В.Д. Меньшагин, Г.М. Сегал, Б.С. Маньковский и др.²⁹), биохимик Н.А. Попов, антрополог Н.А. Синельников, психолог А.Е. Петрова.

²⁵ *Фейнберг Цецилия Мироновна* (1885–1973) – кандидат медицинских наук, психиатр и ученый-медик, организатор здравоохранения. После революции переехала в Москву, где в 1918 г. совместно с Е.К. Краснушкиным организовала и возглавила Медицинскую инспекцию мест заключения при Мосгорздравотделе. Вместе с Е.К. Краснушкиным организовала совещание Наркомздрава по вопросу об организации психиатрического надзора в местах заключения Москвы, состоявшееся 24 марта 1920 г. С 1923 г. одновременно – научный сотрудник кабинета по изучению личности преступника и преступности.

²⁶ URL: <https://museum.pkb4.ru/stories/vospominaniya-v-a-grombaha/>

²⁷ ЦГАМ. Ф. Р-1215. Оп. 2. Д. 195. Л. 3.

²⁸ *Озерецкий Николай Иванович* (1893—1955) – советский ученый-психиатр, специалист в области детской и подростковой психиатрии, академик Академии медицинских наук СССР (1948).

²⁹ *Погорелов М.А.* Медикализация преступности в советской судебной психиатрии, 1918–1936 гг. С. 230.

Высокую значимость создания кабинета отмечало руководство здравоохранения столицы: «Кабинет этот появился на свет ранее, чем в русской литературе было сказано на эту тему хотя бы одно слово»³⁰.

Николай Иванович Озерецкий

Московский кабинет при своем основании не имел какого-либо особого положения, которое точно определяло бы его задачи и формы его деятельности. Однако опыт работы на протяжении нескольких месяцев привел к необходимости выработки общих начал его деятельности. Только после передачи кабинета в ведение Мосгосздравотдела было утверждено Положение о кабинете. В нем в качестве цели обозначалось всестороннее изучение личности правонарушителя – как с общебиологической, так и с социально-экономической точек зрения. При этом подчеркивалось, что биологическое исследование предполагает изучение антропологическое, психиатрическое, психологическое, биохимическое и т. д.³¹ Для этого в кабинете была организована центральная лаборатория со специальным оборудованием для «опытно-экспериментального биопсихологического и социального исследования».

Биологическое исследование предполагало изучение антропологическое, психиатрическое, психологическое, биохимическое и т. д.

Психиатрическое изучение исследовало психопатические личности современной преступности, взаимоотношение между психопатией и преступностью, влияние психической

³⁰ Изучение личности преступника и преступности // Еженедельник Мосгосздравотдела. 1924. № 30–31. С. 605–610.

³¹ Изучение личности преступника в СССР и за границей. С. 60–66.

индукции на преступность со стороны психопатов; рассматривало индивидуальные механизмы преступления у здоровых и больных, психофизическую конституцию здорового преступника; изучало влияние на развитие личности преступника и на его поведение экзогенных и эндогенных факторов; социальные причины дегенерации как фактора преступности; изучало с медико-психиатрической точки зрения преступность как явление профессионального характера и, наконец, разрабатывало классификацию преступников по их индивидуальным свойствам и психиатрические принципы в пенитенциарной политике.

Тот факт, что кабинет перешел в ведение органа здравоохранения, также обусловлен рядом причин.

Конечно, и личность, и ее деяния являются продуктом общественных взаимоотношений, которыми определяются и так называемые моральные представления. Но те же социальные моменты могут влиять на личность и через патологическую наследственность: социальные болезни, сифилис, алкоголизм и др. могут дать в результате потомство физически, а следовательно, и психически неполноценное. А что человеку психически неполноценному, с болезненными импульсами, с повышенной внушаемостью, слабоумному и т. д. облегчено вступление на путь преступления – это ясно само собой. Данные по изучению многих тысяч преступников сводятся к тому, что среди преступников большой процент слабоумных и психически неполноценных личностей.

Отдел здравоохранения Московского совета уделял внимание этой проблеме, которая все отчетливее выявлялась со стороны юристов, врачей, судей и других работников, соприкасающихся в своей деятельности с конкретным живым правонарушителем. В запросах, с которыми часто обращались тогда в Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности, основной мыслью было узнать, «кто такой преступник»³².

Так, активный сотрудник Московского кабинета – известный советский психиатр, профессор Е.К. Краснушкин – в работе «Что такое преступник?», опубликованной в первом выпуске сборника «Преступник и преступность» (1926), обратил внимание на достаточно высокий процент среди преступников психопатических личностей и психоневротиков, характеризующихся психопатическими реакциями. На основании изучения преступников по материалам Московского уголовного розыска Е.К. Краснушкиным было установлено, что среди впервые совершивших преступления психически уравновешенных было только 38 %, а среди рецидивистов значительно меньше – 23,5 %³³.

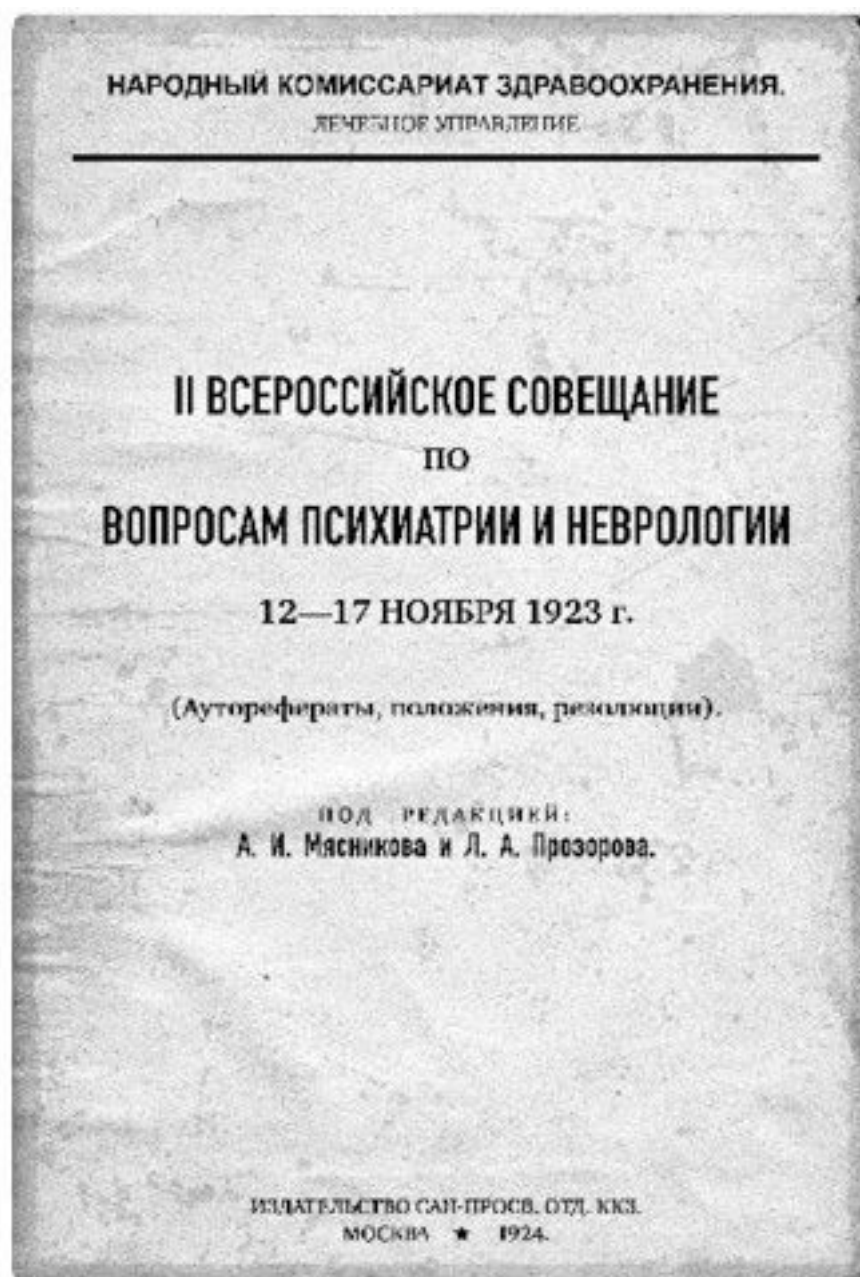
Вопросы о личности преступника переносились таким образом из сферы метафизических рассуждений о морали, свободе воли и т. д. в область изучения психофизических черт преступника как социально-биологической единицы. Такое исследование лучше всего доступно врачу-психиатру, однако нельзя изучать психической личности вне связи с социальной средой и физиологическими особенностями. Это положение постепенно усваивалось и за границей, где и психология, и изучение личности преступника все больше переходили в руки врача³⁴. Оно же нашло свое отражение в резолюции II Всероссийского совещания по вопросам психиатрии и неврологии, где определенно указывалось, что органы здравоохранения должны немедленно приступить к планомерному обследованию современного состава правонарушителей в местах заключения и учреждать криминологические лаборатории или кабинеты по изучению преступности³⁵.

³² Гернет М.Н. Первые за границей и первые в СССР лаборатории по изучению преступности. С. 3.

³³ Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. С. 27–28.

³⁴ Краснушкин Е.К. Кабинет по изучению личности преступника и преступности. С. 21–34; Люблинский П.И. Методы лабораторного исследования личности заключенных. С. 35–62 (см.: Изучение личности преступника в СССР и за границей).

³⁵ II Всероссийское совещание по вопросам психиатрии и неврологии 12–17 ноября 1923 г. (Авторефераты, положения и резолюции) / под ред. А.И. Мискинова и Л.А. Прозорова. М.: Санпросв. отд. НКЗ, 1924. 70 с.

Титул «II Всероссийское совещание по вопросам психиатрии и неврологии» (1924)

По мнению идеолога клинического подхода к исследованию преступников³⁶, заведующего кабинетом Е.К. Краснушкина,

«...личность и ее деяния являются продуктом общественных взаимоотношений, которыми определяются и так называемые моральные представления. Но те же социальные моменты могут влиять на личность и через патологическую наследственность. Социальные болезни, алкоголизм и др. могут дать в результате потомство физически, а следовательно, и психически неполноценное, а что человеку психически неполноценному, с болезненными импульсами, с повышенной внушаемостью, слабоумному облегчено вступление на путь преступления – это ясно само собой. Последнее ярко доказывается уже существующими работами по изучению многих тысяч преступников, и данные эти сводятся к тому, что среди пре-

³⁶ Краснушкин Е.К. Судебно-психиатрические очерки. М.: М. и С. Сабашниковы, 1926. 114 с.

ступников большой процент слабоумных и психически неполноценных личностей. Вопросы о личности преступника переносятся, таким образом, из сферы метафизических рассуждений о морали, свободе воли и т. д. в область изучения психофизических черт преступника как социально-биологической единицы. Такое исследование лучше всего доступно, конечно, врачу-психиатру и притом социально мыслящему, так как нельзя изучать психической личности вне связи с социальной средой и физиологическими особенностями»³⁷.

Данный подход закономерно определил программу исследований личности преступника и преступности.

Деятельность кабинета распадалась на две отрасли, тесно друг с другом связанные:

1) изучение преступности в пределах Московской губернии с точки зрения социологической (общественной) – изучение разрешенных судами дел преступлений соответствующих категорий;

2) изучение той же отрасли с точки зрения психологии (науки о поведении человека) и психопатологии (науки, изучающей болезненные расстройства в поведении человека) – обследование самих преступников, условий их жизни, обстоятельств, толкнувших на преступление и т. п.

Как практическое учреждение, кабинет в своих исследованиях сотрудничал со столичным уголовным розыском, Московским губернским судом, Институтом судебно-психиатрической экспертизы и психиатрической клиникой 1-го МГУ.

Создание у кабинета Арбатской криминальной клиники позволило проводить более детальное и углубленное обследование с объективной проверкой всех данных, в том числе в сотрудничестве с коллегами из Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского³⁸, младшие члены-наблюдатели которых вели постоянное дневное и ночное наблюдение-обследование с записями результатов в дневники.

Получив в свое ведение Арбатский арестный дом, кабинет превратил его в учреждение, имеющее право именоваться «клиникой». Здесь трудились сотрудники кабинета, его младшие члены – наблюдатели (всего шесть человек). Эти лица частью с высшим или незаконченным высшим образованием вели постоянное дневное и ночное наблюдение-обследование с записями результатов в дневники, и режим клиники был весьма отличен от режима домов предварительного заключения, во многом приближаясь к клиническому.

По своему устройству это учреждение напоминало психиатрическую клинику: исследователи вели специальные дневники на каждого заключенного, каждую неделю проводились конференции с докладами, на которых демонстрировались «наблюдаемые»³⁹. Заключенные, содержащиеся в клинике, выпускали собственную газету «Снова к труду»⁴⁰.

Социологическое освещение личности предоставляло материал для правильного выбора надлежащей меры социальной защиты, и в понимании кабинета был сформирован естественный переход от наказания как возмездия к наказанию как средству социальной защиты: преступника следует не карать, так как он сам является жертвой неблагоприятных условий и своих психических недостатков, а исправлять, не мстить ему от лица общества, а защищать от него последнее.

Кабинет отстаивал точку зрения социальной защиты, первой и основной задачей при подходе к преступнику которой являлось определение степени его социальной опасности, а это невозможно было без его индивидуального изучения, выяснения черт его психики и т. д. В

³⁷ Краснушкин Е.К. Кабинет по изучению личности преступника и преступности. С. 16.

³⁸ Титова Т.С., Сафуанов Ф.С. Изучение личности преступника и преступности (исторический экскурс) // Российский психиатрический журнал. 2017. № 1. С. 55.

³⁹ Гернет М.Н. Предисловие // Преступный мир Москвы. 1924. С. X; Гернет М.Н. Первая русская лаборатория по изучению преступности // Право и жизнь. 1924. № 2. С. 33.

⁴⁰ Аккерман В.И. Криминологическая клиника // Преступник и преступность. Сборник П. М., 1927. С. 219.

пестрой массе преступников имеются и душевнобольные, и психопаты, и слабоумные, и просто жертвы крайне неблагоприятных внешних условий. Судье же при вынесении приговора личность преступника почти неизвестна, как неизвестна она исполнительному органу, направляющему осужденного в то или иное место заключения.

Ставилась задача создания социально-психологической экспертизы, которая могла бы ответить не только на вопрос, является ли данный преступник душевнобольным или здоровым, но и определить его основные психофизические черты и степень социальной опасности, учитывая все эндогенные и экзогенные факторы, приведшие его в конфликт с законом. Необходимо была выработка новой классификации преступников вместо отжившего деления их по роду и числу преступлений. Далее – становясь на путь исправления преступника, т. е. приспособления его к нормальной социально-трудовой жизни. Кабинет призывал считаться с индивидуальностью преступника и в зависимости от нее определять режим заключения, род работ и т. д.⁴¹

Были открыты нервно-психиатрические пункты кабинета в Бутырской тюрьме, в Сокольничьем исправдоме и в Моструддоме. Эти пункты давали временный, на несколько дней или недель, приют разным невротикам и психопатам с короткими психотическими или невротическими вспышками и обострениями, например лицам, впадшим в тюремные скандалы, или лицам с учащением функциональных припадков, требующих психотерапевтического воздействия и т. п. Еще шире и глубже разворачивается деятельность психиатра в Моструддоме для несовершеннолетних, где были организованы вспомогательный класс для умственно отсталых, размещение несовершеннолетних правонарушителей по камерам согласно психиатрическим и педагогическим показаниям по типам их психопатического склада⁴².

Специалисты в то время отмечали: «Новое психологическое учение о преступнике основывается не столько на изучении индивида как изолированной от всего окружающего особи (ошибка, сделанная итальянской школой), сколько на изучении его как активного элемента в определенной социальной среде»⁴³.

Подводя итог работы кабинета за два с половиной года, его руководитель Е.К. Краснушкин заключил: «Наш материал – городская преступность – показал, что умственно отсталые, так же как и человек с больным характером или психопат и психоневротик, истерик, травматик, патологически неустойчивый, возбудимый и т. д., не обречены неизбежно на путь правонарушения. Но они легче, чем здоровые, соскальзывают на него, ибо слабее сопротивляются прессу неблагоприятной социально-экономической среды. Они легче нарушают гармонию социального пространства, легче совершают социально неадекватные действия, чем здоровые, ибо именно социальная неадекватность их поведения является главным критерием их психопатичности»⁴⁴.

Результаты исследований Московского кабинета освещались в специальных изданиях, всего с 1923 по 1928 г. было выпущено семь таких сборников⁴⁵.

⁴¹ Изучение личности преступника в СССР и за границей. С. 4.

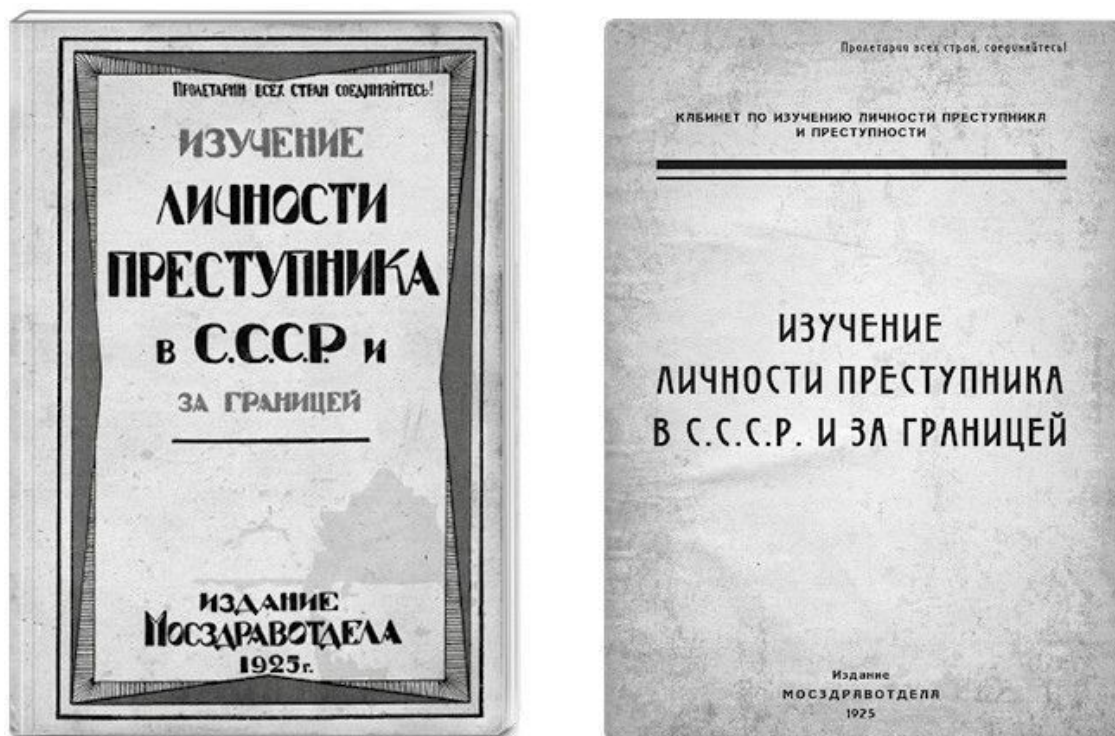
⁴² *Краснушкин Е.К.* Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности и общая характеристика московских правонарушителей // Судебно-медицинская экспертиза: тр. II Всерос. съезда судеб. – мед. экспертов (Москва, 25 февраля – 3 марта 1926 г.) / под ред. Я.А. Лейбовича. Ульяновск: Ульяновский комбинат ППЦ, 1926. С. 158.

⁴³ *Трайнин А.* Роль психопатической лаборатории в деле борьбы с преступностью // Право и жизнь. 1923. Кн. 9 и 10. С. 20.

⁴⁴ *Краснушкин Е.К.* Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности и общая характеристика московских правонарушителей. С. 159.

⁴⁵ Изучение личности преступника в СССР и за границей: сб. ст. М.: Мосздравотдел, 1925. 66 с.; Преступник и преступность. Сборник I. М.: Мосздравотдел, 1926. 148 с.; Хулиганство и поножовщина: сб. ст. М.: Мосздравотдел, 1927. 158 с.; Правонарушения в области сексуальных отношений: сб. ст. М.: Мосздравотдел, 1927. 180 с.; Преступник и преступность. Сборник II. М.: Мосздравотдел, 1927–1928. 391 с.; Убийства и убийцы: сб. ст. М.: Мосздравотдел, 1928. 375 с.; Нищенство и беспризорность. М., 1929. 278 с.

В 1925 г. был издан сборник «Изучение личности преступника в СССР и за границей». Отдел здравоохранения Московского совета объяснил выпуск сборника стремлением «хотя бы в небольшой мере удовлетворить значительный интерес к этой проблеме, который все отчетливее выявляется со стороны юристов, врачей, судей и других работников, соприкасающихся в своей деятельности с конкретным живым преступником»⁴⁶.

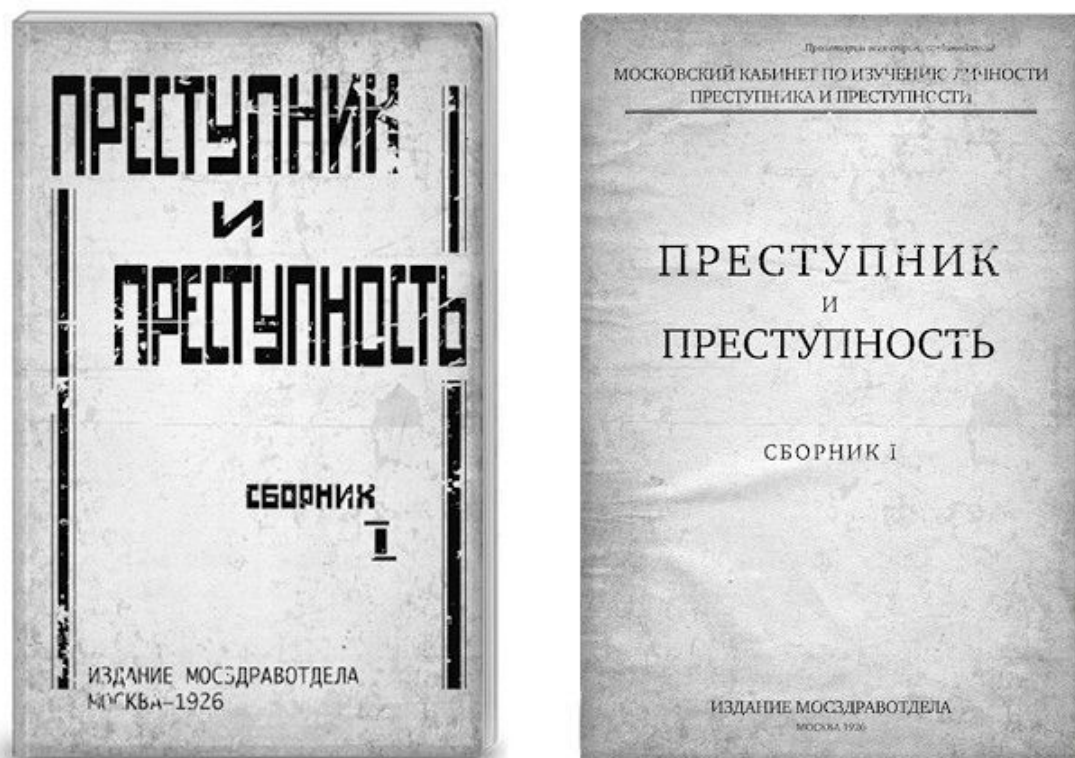
Обложка и титул «Изучение личности преступника в СССР и за границей» (1925)

В сборник «Преступник и преступность» 1926 г. были помещены статьи сотрудников кабинета:

- Краснушкин Е.К. «Что такое преступник?»;
- Рапопорт А.М. «К практике изучения личности преступника»;
- Озерецкий Н.И. «К вопросу о профконсультации и профориентации в местах заключения для несовершеннолетних правонарушителей»;
- Харламова А.Г. «Патологическая группа несовершеннолетних правонарушителей по данным Моструддома»;
- Озерецкий Н.И. «Социально запущенные дети»;
- Рапопорт А.М. «Кокаинизм и преступность»;
- Белоусова М.Т. «Кокаинизм на материале Института судебно-психиатрической экспертизы имени В.П. Сербского»;
- Краснушкин Е.К., Холзакова Н.Г. «Два случая женщин убийц-гомосексуалисток».

Так, Е.К. Краснушкин в своей статье, основанной на результатах социально-психиатрического обследования 2600 правонарушителей, прошедших через Московское управление уголовного розыска и изученных в кабинете, отмечал, что правонарушения в большинстве случаев являются социально недостаточными действиями индивидуума, свидетельствующими о слабости его социальной приспособляемости в момент совершения правонарушения.

⁴⁶ Изучение личности преступника в СССР и за границей. С. 3.

Обложка и титул «Преступник и преступность», вып. I (1926)

Социально-психиатрическим исследованием личности преступника в сборнике является также работа А.М. Рапопорта – «Кокаинизм и преступность», основанная на изучении 400 случаев кокаинизма. Автор трактует быстро разросшуюся эпидемию кокаинизма как социальную болезнь, прежде всего поражающую определенные группы населения в связи с их условиями существования. Той же теме посвящена и статья М.Т. Белоусовой, основанная на более специальном материале о кокаинистах-преступниках, прошедших через Институт судебно-психиатрической экспертизы имени В.П. Сербского. При этом выводы авторов, работавших независимо друг от друга над обширным материалом, в значительной мере сходятся в особенности по вопросу о криминогенном значении кокаина.

Статья А.Г. Харламовой – «Патологическая группа несовершеннолетних правонарушителей по данным Московского трудового дома» – посвящена группе несовершеннолетних правонарушителей, осужденных за сравнительно тяжелые, упорно повторяющиеся преступления. Резко выраженные дефекты поведения соединены у них с рядом психофизических дефектов, делающих бесцельными все старания опытных педагогов и крупные затраты перевоспитание и исправление этих детей. Попытка автора найти медицинский подход к проблеме патологического поведения этих несовершеннолетних означает стремления объяснить биологическими причинами правонарушения беспризорных, и в начале своей работы она подчеркивает, что эта статья говорит не о беспризорных правонарушителях вообще, а о небольшой группе особо тяжелых несовершеннолетних правонарушителей с больной психикой.

Если статья доктора А.Г. Харламовой посвящена группе тяжелых, психически аномальных правонарушителей Моструддома, то доктор Н.И. Озерский в своей работе «Социально запущенные дети» рассматривает их, не выходя за пределы нормы подростков-правонарушителей. Правда, и эти подростки относятся к категории трудновоспитуемых и тяжелых в своем преступлении социально запущенных детей. Работы представляет собой опыт характерологической классификации 50 таких подростков с точки зрения психиатрической характерологии

нормальных людей. За основу этой классификации Н.И. Озерецкий берет типы реакции по *Кречмеру* и дает суммарную характеристику полученных четырех групп подростков, выпукло обрисовывая криминологические и психофизические черты каждой. В заключение он делает справедливый вывод о необходимости характерологической группировки детей-правонарушителей для педагогических целей.

Вторая в сборнике статья доктора Н.И. Озерецкого содержит предложения по психотехнике труда в применении к несовершеннолетним преступникам. Это принципы профотбора и профконсультации в доме для несовершеннолетних правонарушителей. Огромное значение этой проблемы, именно в применении к правонарушителям, понятно, так как подобрать и дать правонарушителю отвечающую его способностям и вкусу профессию – это нередко значит приспособить его к социальной жизни в обществе.

Статья *Е.К. Краснушкина и Н.Г. Холзаковой* – «Два случая женщин убийц-гомосексуалисток» – иллюстрирует характер и методы изучения личности правонарушителя, практикуемые в кабинете.

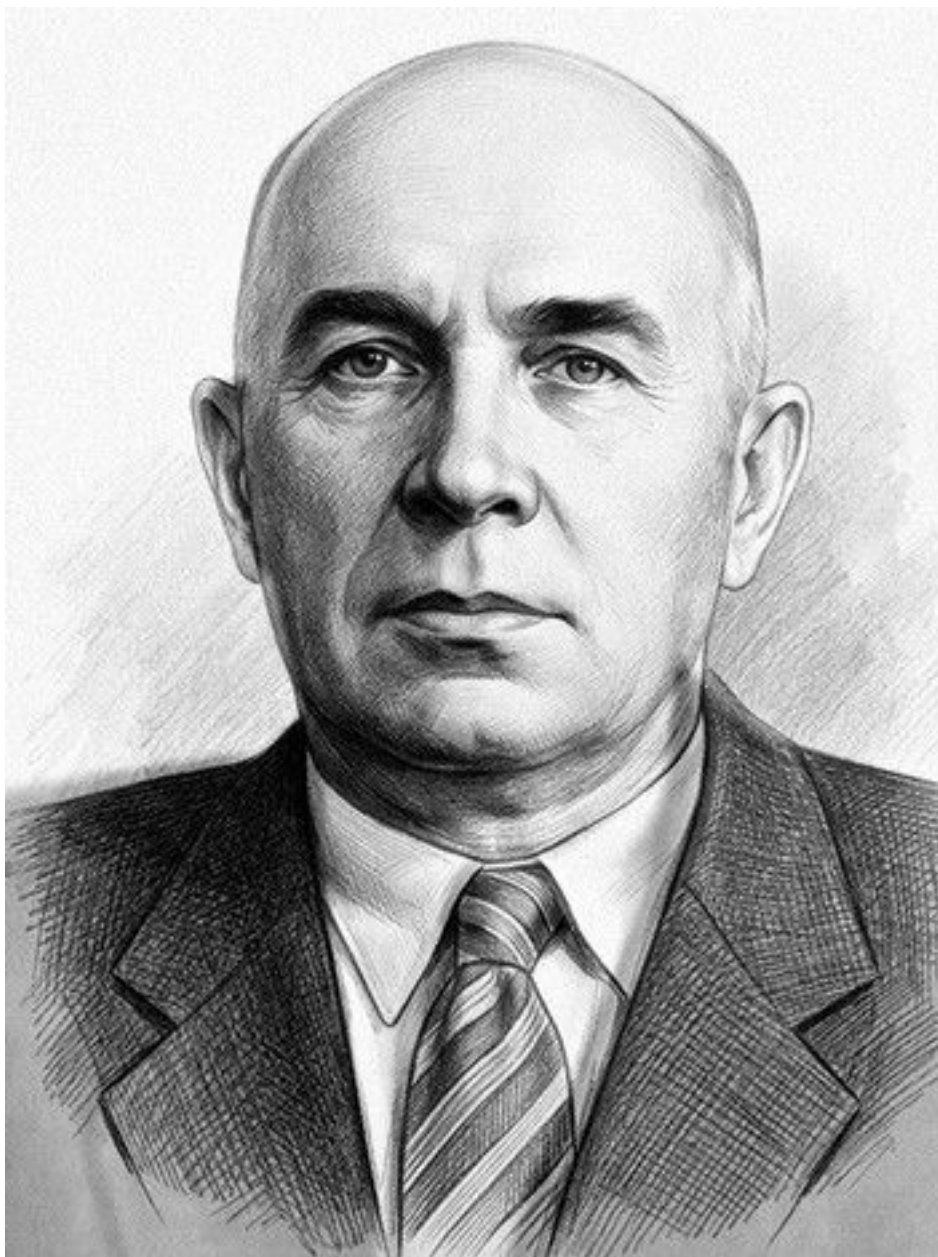
Практике изучения личности преступника посвящена статья секретаря кабинета А.М. Рапопорта. Статья отражает не только научно-техническую сторону работы, но и некоторые научно-принципиальные взгляды кабинета, снабжена основной анкетой социально-психиатрического исследования, употребляемой в работе кабинета.

В сборнике была помещена хроника главным образом иностранной криминологической жизни за последние годы.

В исследованиях кабинета на первый план выходил психиатр, который вносил «коррективы всему субъективному, имеющему место в таком обследовании, определяя психическое состояние и характеризуя поведение исследуемого»⁴⁷.

По истечении определенного срока наблюдения преступника (полмесяца-месяц) его всеми специалистами – психиатром, социологом, антропологом, психологом и биохимиком – на конференции каждый из этих работников докладывал свое заключение. Общее заключение делалось психиатром.

⁴⁷ *Краснушкин Е.К.* Кабинет по изучению личности преступника и преступности. С. 16.

*Александр Матвеевич Рапопорт*⁴⁸

Уже в наименовании кабинета ударение ставилось на личности преступника, т. е. на первом месте стояло его психиатрическое исследование: «Через личность преступника, – пишет А.М. Рапопорт, – стремимся познать корни преступности как социальной болезни»⁴⁹. Действительно, в самом начале работы, при обсуждении вопроса о порядке массового амбулаторного обследования преступников при Московском управлении уголовного розыска, все члены кабинета пришли к единодушному заключению о необходимости поручить это обследование врачу-психиатру. Такая «капитуляция социологов перед психиатрами» выражалась в том, что кабинет состоял при Мосздрав отделе, в рядах его сотрудников и печатных трудов психиатры были представлены в подавляющем числе и количестве страниц.

⁴⁸ *Рапопорт Александр Матвеевич* (1894–1968) – доктор медицинских наук, советский психиатр-нарколог. С 1923 г. и до окончания работал в Московском кабинете по изучению преступности и преступника.

⁴⁹ *Рапопорт А.М.* К практике изучения личности преступника. Сборник I. Преступность и преступник. М.: Мосздрав-отдел, 1926. С. 34.

Благодаря созданию Московского кабинета в 1925 г. в развитие его научных идей был учрежден ГИИПП. В его состав вошли сотрудники Московского кабинета.

На раннем этапе ГИИПП имел в большей степени междисциплинарный и межведомственный характер – с участием представителей различных медицинских специальностей и учреждений. На первом пленарном заседании учреждения 1 октября 1925 г. присутствовали представители от Государственного института экспериментальной психологии (А.Р. Лурия⁵⁰ и М.С. Лебединский⁵¹), 2-го Московского университета (В.А. Гиляровский)⁵², Антропологического института 1-го МГУ (Н.А. Синельников)⁵³, культсекции Госплана РСФСР (С.В. Познышев), сотрудники Московского уголовного розыска и Лефортовского изолятора.

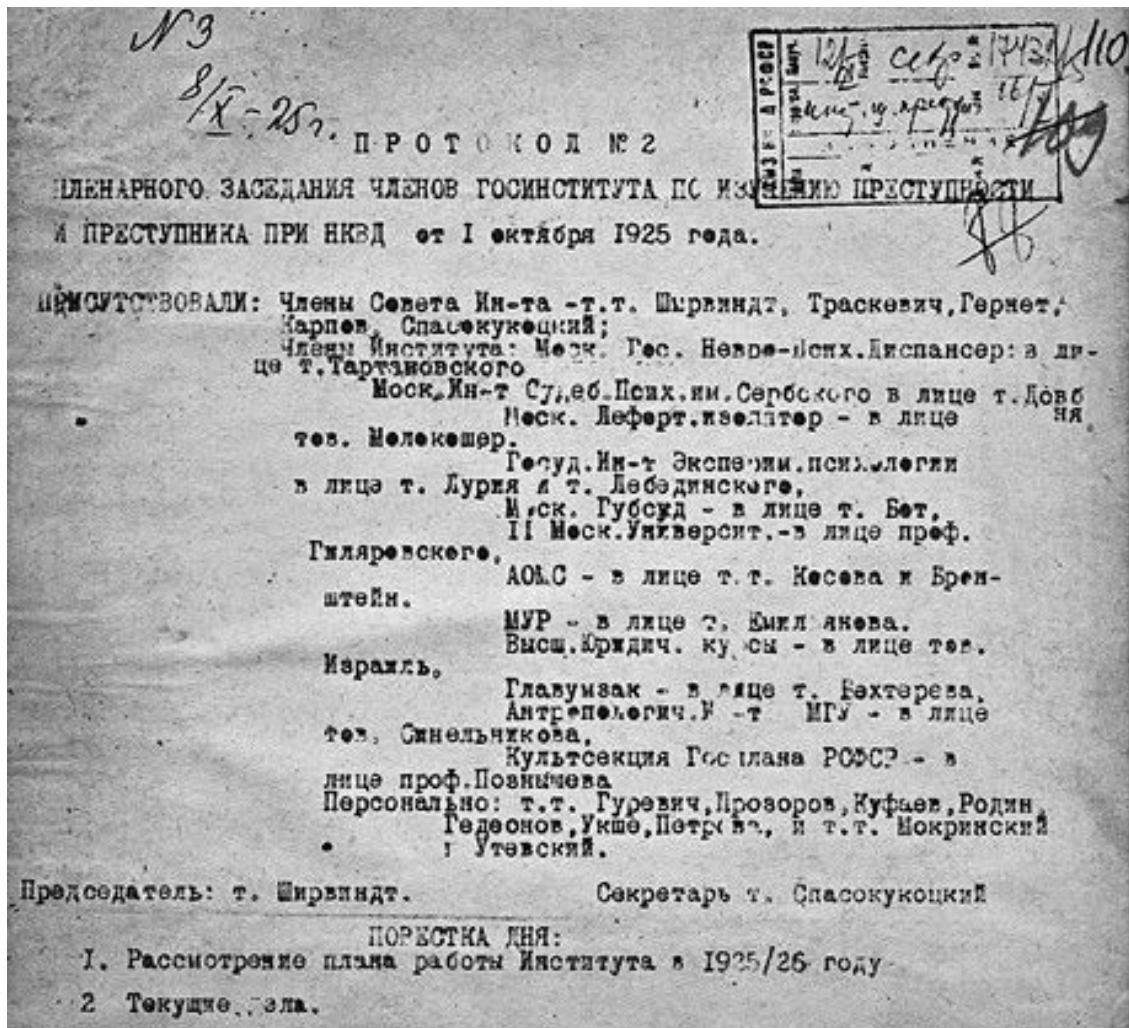
В дальнейшем работа ГИИПП уже не имела такого широкого межведомственного характера. Наблюдения производились преимущественно психологами и психиатрами, но также – социологами.

⁵⁰ *Лурия Александр Романович* (1902–1977) – советский психолог и врач-невропатолог, один из основателей нейропсихологии. В 1944 г. – профессор, в 1937 г. – доктор педагогических наук, в 1943 г. – доктор медицинских наук, в 1947 г. – действительный член Академии педагогических наук РСФСР, в 1967 г. – действительный член Академии педагогических наук СССР.

⁵¹ *Лебединский Марк Самуилович* (1905–1980) – советский психиатр, медицинский психолог и психотерапевт. В послевоенные годы работал в Центральном институте психиатрии в Москве. В 1962 г. перешел на должность консультанта во Всесоюзный научно-исследовательский институт судебной психиатрии имени В.П. Сербского, где руководил психологической лабораторией.

⁵² *Гиляровский Василий Алексеевич* (1875–1959) – корифей отечественной научной психиатрии, основоположник детской психиатрии, один из организаторов психиатрической помощи в стране. Действительный член Академии медицинских наук СССР.

⁵³ *Синельников Николай Александрович* (1885–1941) – российский и советский антрополог. С 1924 г. – сотрудник кафедры антропологии МГУ и Института антропологии МГУ.

Протокол № 2 пленарного заседания членов ГИИПП от 1 октября 1925 г.⁵⁴

⁵⁴ Государственный архив РФ. Фонд Р-4042. Оп. 10. Д. 7. Л. 110.

Марк Самуилович Лебединский

О необходимости изучения разных групп преступников, лиц с девиантным поведением было сказано на состоявшемся в декабре 1926 г. расширенном пленуме ГИИПП. С такими предложениями на заседании выступили наркомы здравоохранения – *Н.А. Семашко*, просвещения – *А.В. Луначарский* и внутренних дел – *А.Г. Белобородов*⁵⁵.

⁵⁵ В Институте по изучению преступности («Правда» № 294 от 19 декабря 1926 г.).

Сообщение о VII пленарном заседании, состоявшемся в ГИИПП с участием наркома здравоохранения Н.А. Семашко, наркома просвещения А.В. Луначарского, наркома внутренних дел А.Г. Белоборова («Правда» № 294 от 19 декабря 1926 г.)

В период с начала деятельности ГИИПП и до конца 1929 г. было проведено свыше 287 научных работ, четырьмя секциями – 177 (социально-экономической – 67, пенитенциарной – 32, биопсихологической – 32, криминалистической – 46) и четырьмя кабинетами – 110 (Московским кабинетом – 50, Ленинградским, Саратовским и Северо-Кавказским – 60)⁵⁶. Одной из основных задач ГИИПП стала разработка методики и техники изучения личности заключенного⁵⁷.

Так, в Плане ГИИПП за научно-производственный год (1926–1927) научно-теоретические работы по биопсихологической секции были разделены на пять групп⁵⁸.

Первая группа: разработка вопросов о принудительном лечении правонарушителей. Клиническое понятие, показания, законодательное выражение, тип учреждения.

Указанный вопрос, представляющий большой практический интерес для целого ряда ведомств, непосредственно участвующих в проведении принудительного лечения как меры социальной защиты (НКЮ, Наркомздрав, НКВД) по решению биопсихологической секции распался на ряд специальных вопросов, подлежащих изучению рядом научных сотрудников секции в различных разрезах.

Основная работа по указанному вопросу велась профессором П.Б. Ганнушкиным на общую тему «О принудительном лечении».

⁵⁶ См.: Спасокукоцкий Н.Н. Деятельность Государственного института по изучению преступности и преступника при НКВД. С. 136–145.

⁵⁷ См.: Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское исправительно-трудовое право. М., 1931. С. 41.

⁵⁸ См.: Спасокукоцкий Н.Н. Деятельность Государственного института по изучению преступности и преступника // Проблемы преступности: сб. М.: Гос. изд-во, 1927. Вып. 2. С. 236–238.

Второй группой вопросов, изучаемых биопсихологической секцией, явилась разработка вопросов о растратах:

а) в социально-психопатологическом разрезе исследования: растратчики госучреждений, растратчики кооперативных учреждений, растратчики жилищных товариществ и домоуправлений; личность растратчиков – азартных игроков, людей личного счастья и удачи и т. п.;

б) в разрезе конституционального состава растратчиков, связи между конституциональным типом и характером преступления, влияние экзогенных и эндогенных факторов: алкоголя, кокаина, артериосклероза, травмы, нервных и душевных заболеваний.

Двумя законченными работами по этой группе вопросов явились: работа *Т.Е. Сегалова* на тему «Растратчики. Мотивация преступлений», обсужденная и принятая секцией, а также работа *А.Е. Петровой* «Психологический очерк индивидуально-социальных факторов растрат». Обе работы были напечатаны в сборнике ГИИПП «Растраты и растратчики».

Третьей группой вопросов, занимавших внимание биопсихологической секции, были вопросы изучения преступлений против личности.

Четвертой группой вопросов, стоявших перед биопсихологической секцией, явились, как указано в плане большого научно-практического значения, следующие:

а) «Разработка методики для изучения личности правонарушителей в психиатрическом разрезе» (под непосредственным руководством профессора *П.Б. Ганнушкина*);

б) «Выработка методики психологических исследований личности правонарушителей» (*А.Е. Петрова*) – работа была издана под заглавием «Психологическая классификация личностей. Элементарная методика психологического исследования» (*М. и С. Сабашниковы*, 1927).

Наконец *пятой группой* вопросов, подвергавшихся обсуждению секции, явилась группа разнообразных вопросов, представляющих как специально-научный, так и большого значения научно-практический интерес, а именно:

а) доклад профессора *Е.К. Краснушкина* на тему «Что такое преступник»;

б) доклад профессора *Н.В. Петровского* на тему «Изменения личности, вызываемые правонарушением»;

в) разрабатывался вопрос *И.Н. Введенским* «О реактивных психозах заключенных»;

г) *Т.Е. Сегаловым* «Язык преступников в его социально-психологическом соотношении»;

д) *Т.Е. Сегаловым* «О самосуде в деревне».

Научно-исследовательские работы на живом материале проводились секцией через Московский кабинет ГИИПП.

Результаты исследований, проводимых сотрудниками кабинета, реализовывались на практике. Так, с ноября 1926 г. при Хамовническом нарсуде стала работать криминологическая камера, организованная для разбора наиболее важных уголовных дел. Возглавил работу камеры врач-психиатр, криминолог, судья *Т.Е. Сегалов*.

Тимофей Ефимович Сегалов

«Известия» от 11 октября 1928 г.

В ознаменование 10-й годовщины Октябрьской революции, Главное управление мест заключения НКВД РСФСР предоставило ГИИПП первый Московский исправительно-трудовой дом, который был реорганизован в экспериментальное пенитенциарное отделение ГИИПП (приказ № 314 от 13 октября 1926 г.), оставив отделение в общей сети мест заключения, но предоставив ГИИПП научное руководство при организации и проведении в жизнь в этом отделении целесообразных методов исправительно-трудового воздействия.

Об экспериментальном исправительно-трудовом отделении.

Наркомвнудел тов. Белобородов утвердил положение об экспериментальном (опытном) пенитенциарном (исправительно-трудовом) отделении государственного института по изучению преступника и преступности. По положению, новое научно-опытное исследовательское учреждение, являясь одним из мест заключения, входит в общую их сеть. Задача нового опытно-лабораторного учреждения заключается в том, чтобы установить научно-практическим путем рациональные методы исправительно-трудового воздействия, которые могли бы применяться в местах заключения всех видов, предусмотренных исправительно-трудовым кодексом.

Соответственно этой задаче при отделении будут организованы места заключения всех видов и патронаж для лиц, освобожденных из заключения. При директоре отделения будет состоять совет.

Под новые отделения отводятся Ивановский исправительно-трудовой дом, в помещении которого находится и институт по изучению преступника и преступности.

«Известия» от 7 октября 1926 г.

Согласно положению об этом отделении, оно входило в общую сеть мест заключения Республики и в нем создавались все виды мест лишения свободы: изолятор специального назначения на 25 мест, Исправительно-трудовой дом общего типа на 75 мест, трудовая колония на 50 мест, отделение для несовершеннолетних на 20 мест, отделение для нуждающихся в принудительном лечении правонарушителей на 10 мест и отделение для криминальных психопатов.

тов на 10 мест. Кроме того, было создано общежитие патроната для бывших заключенных, освобожденных из отделения. Во главе экспериментального пенитенциарного отделения стоял директор, назначаемый в общем порядке Главным управлением местами заключения. При нем и под его председательством действовал совет отделения.

В совет делегировались четыре члена по одному из каждой секции ГИИПП. Так, в совет этого экспериментального учреждения вошли профессор психиатрии П.Б. Ганнушкин, профессор криминологии М.Н. Гернет, психолог А.Е. Петрова (ученый секретарь), представитель пенитенциарной секции Б.С. Утевский⁵⁹.

П.Б. Ганнушкин (сидит в первом ряду по центру) среди соратников и учеников. Е.К. Краснушкин – сидит второй справа (1924)

Во главе отделения стоял директор ГИИПП⁶⁰, назначаемый в общем порядке по приказу Главного управления местами заключения и являющийся председателем совета ГИИПП. Им стал *Евсей Густавович Ширвиндт* – начальник Главного управления местами заключения НКВД РСФСР.

Экспериментальное отделение могло проводить опыты по рациональному применению различных мер воздействия исправительно-трудового характера на 180 заключенных, осужденных на длительные сроки за тяжелые преступления и находящихся в отделении, и предпринять попытки приспособления этих заключенных к условиям трудового общежития, при котором появилась бы гарантия обеспечения безопасности общества от повторных преступлений со стороны социально опасных элементов.

⁵⁹ Гернет М.Н. Государственный институт по изучению преступности в Москве // Право и жизнь. 1927. № 2. С. 44, 45.

⁶⁰ См.: Трунцевский Ю.В., Беляева Л.И. У истоков российской юридической науки (к 130-летию Евсея Густавовича Ширвиндта): монография / предисл. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП; Юриспруденция, 2023. 240 с.

В отделении была организована показательная научно-педагогическая часть со всеми видами культурного воздействия на заключенных, а также производственные мастерские.

Каждый заключенный здесь внимательно обследовался психологом, социологом и врачом, каждый из которых изучал вопросы, касающиеся его сферы деятельности. Так, психологи и психиатры выясняли наличие у обследуемого каких-либо психических расстройств или других болезненных признаков. Обследователи-наблюдатели вели на каждого заключенного особый дневник, в котором делали отметки о результатах исправительного воздействия и об изменениях в поведении заключенных.

Как следует из имеющихся архивных материалов, обследователи-наблюдатели не были людьми случайными, они имели представление об особенностях исследовательской работы в области психологии, психиатрии, педагогики, правоприменения и законотворчества, многие из них имели публикации. Например, психиатр *А.М. Дубинин*, который работал в этом отделении⁶¹.

Московский кабинет (филиал ГИИПП) начал свою работу с августа 1926 г. параллельно с уже существующим столичным кабинетом при Мосгорздраве и состоял из психиатров, психологов и социологов, одновременно являющихся сотрудниками обоих кабинетов.

Характерным в исследованиях Московского кабинета-филиала являлось как раз то, что отсутствовало в самом ГИИПП – теснейшая связь между социологическим и психологическим материалом, характеризующим личность преступника⁶².

Интересна деятельность Криминологического кабинета при Ленинградском областном суде, который впоследствии вошел в состав ГИИПП в качестве его филиала.

В 1919–1920 гг. отдел юстиции Петросовета вел наблюдение и исследование заключенных в исправительных учреждениях Петрограда⁶³. Создать Диагностический институт для изучения психологии преступников предложил психиатр Петроградских мест заключения *Н.А. Панов*. Изначально в нем планировалось создать четыре секции: юридическую, психологическую, медицинскую и антропологическую, в каждой из которых специалисты изучали бы личность правонарушителя, мотивы преступления и давали бы заключение «по диагнозу и прогнозу преступника» для пенитенциарных учреждений, т. е. давать криминологическую оценку заключенных⁶⁴. Однако основной функцией Института стало проведение судебно-психиатрических экспертиз и предоставление заключений для заинтересованных органов. Учреждение было открыто 16 ноября 1918 г. как Диагностический институт судебной неврологии и психиатрии в здании бывшей частной психиатрической лечебницы *А.Г. Коносевиича* и подчинено тюремно-медицинскому отделу комиссариата здравоохранения. Возглавил институт известный психиатр *Лев Григорьевич Орианский*, специализирующийся на судебной и детской психиатрии.

В 1920 г. Диагностический институт с согласия Наркомздрава, Наркомюста и НКВД открыл курсы для подготовки судебных психиатров и судебных работников. Курсы предполагали лекции по судебной психиатрии, технике экспертизы, криминальной социологии и изучению преступности несовершеннолетних⁶⁵.

В начале существования Ленинградского филиала ГИИПП кабинетом заведовал профессор *А.А. Жижиленко*, а членами состояли профессора *П.И. Люблинский*, *П.Г. Бельский*, психиатр *П.А. Останков* и др.⁶⁶

⁶¹ Государственный архив РФ. Фонд Р-4042. Оп. 4. Д. 132. Л. 24.

⁶² См.: Положение о Московском кабинете ГИИПП // Государственный архив РФ. Фонд Р-4042. Оп. 10. Д. 7. Л. 92–95.

⁶³ *Френкель Е.П.* Лаборатории по изучению преступности // Журнал научно-исследовательских кафедр в Одессе. 1924. Т. 1. № 7. С. 2.

⁶⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 4301. Оп. 1. Д. 284. Л. 30.

⁶⁵ Государственный архив РФ. Фонд А-482. Оп. 3. Д. 265. Л. 34.

⁶⁶ *Гернет М.Н.* Государственный институт по изучению преступности в Москве // Право и жизнь. 1927. № 2. Кн. 2. С. 42–

Петр Александрович Останков⁶⁷

Необходимо отметить, что многие ученые являлись одновременно членами двух ленинградских кабинетов. Так, например, профессор Л.Г. Оршанский – врач-психиатр, специалист по педагогической и криминальной антропологии, директор Диагностического института – был заведующим научной частью Криминологического кабинета при Ленинградском областном суде и членом ГИИПП⁶⁸.

Известно, что работники кабинета Ленинградского губернского суда проводили кружковые занятия, интересом к которым и было обусловлено создание этого кабинета. Высокая посещаемость организованных Ленинградским губсудом в конце 1924 г. курсов по переподготовке судебных работников, включающих занятия по психиатрии, которые устраивались при Диагностическом институте имени Ленина, и повышенное внимание, с которым судебные работники следили за разбором представляемого им живого материала, доказывали, что в деле ознаком-

46; 46.

⁶⁷ Останков Петр Александрович (1867–1949) – русский и советский психиатр, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

⁶⁸ Оршанский Лев Григорьевич (1866–1937) – доктор медицины, психолог, врач-психиатр, педагог, коллекционер, один из первых российских игрушковедов, специалист в области педагогической антропологии.

ления работников суда с основами психиатрии и частными вопросами судебной медицины подкрепили «мысль об организации при Ленинградском губсуде постоянно действующего учреждения Криминологического кабинета»⁶⁹.

Вид Криминологического кабинета Ленинградского губернского суда

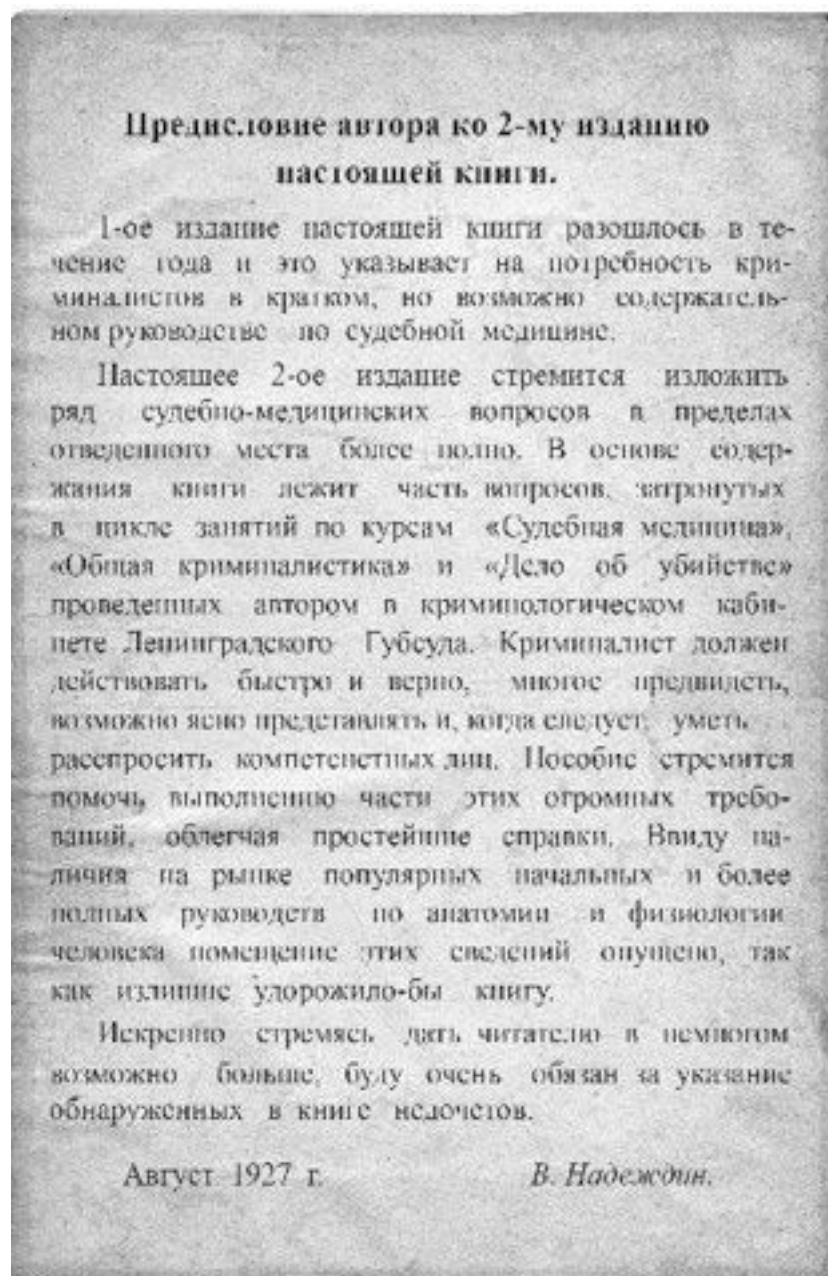
В первую очередь открылись кружки по судебной психопатологии с демонстрациями живого материала и по судебной медицине с показательным вскрытием трупов⁷⁰.

Так, занятия II цикла проводились по следующим темам: «Теория и практика судебно-психиатрической экспертизы» (профессор *В.П. Осипов*); «Половые преступления с социальной точки зрения» (профессор *Л.Г. Орианский*); «Судебная медицина с демонстрациями» (приват-доцент *В.А. Надеждин*); «Основные вопросы судебной гинекологии» (приват-доцент *Л.А. Гусаков*). Через эти кружки прошли около 100 человек.

IV цикл, закончившийся в феврале 1927 г., насчитывал 11 кружков; из них три кружка были предназначены специально для курсов по переподготовке судебных работников при губсуде: «Правонарушители-подростки» (профессор *А.С. Грибоедов*); «Социальная венерология» (профессор *А.А. Сахновская*), а также «Учение о повреждениях с практическими примерами и упражнениями из области экспертизы», «Практические вопросы судебной психиатрии и неврологии», «Судебная психология (свидетель, обвиняемый, потерпевший и др.)». Всего в IV цикле слушателей прошли свыше 250 человек.

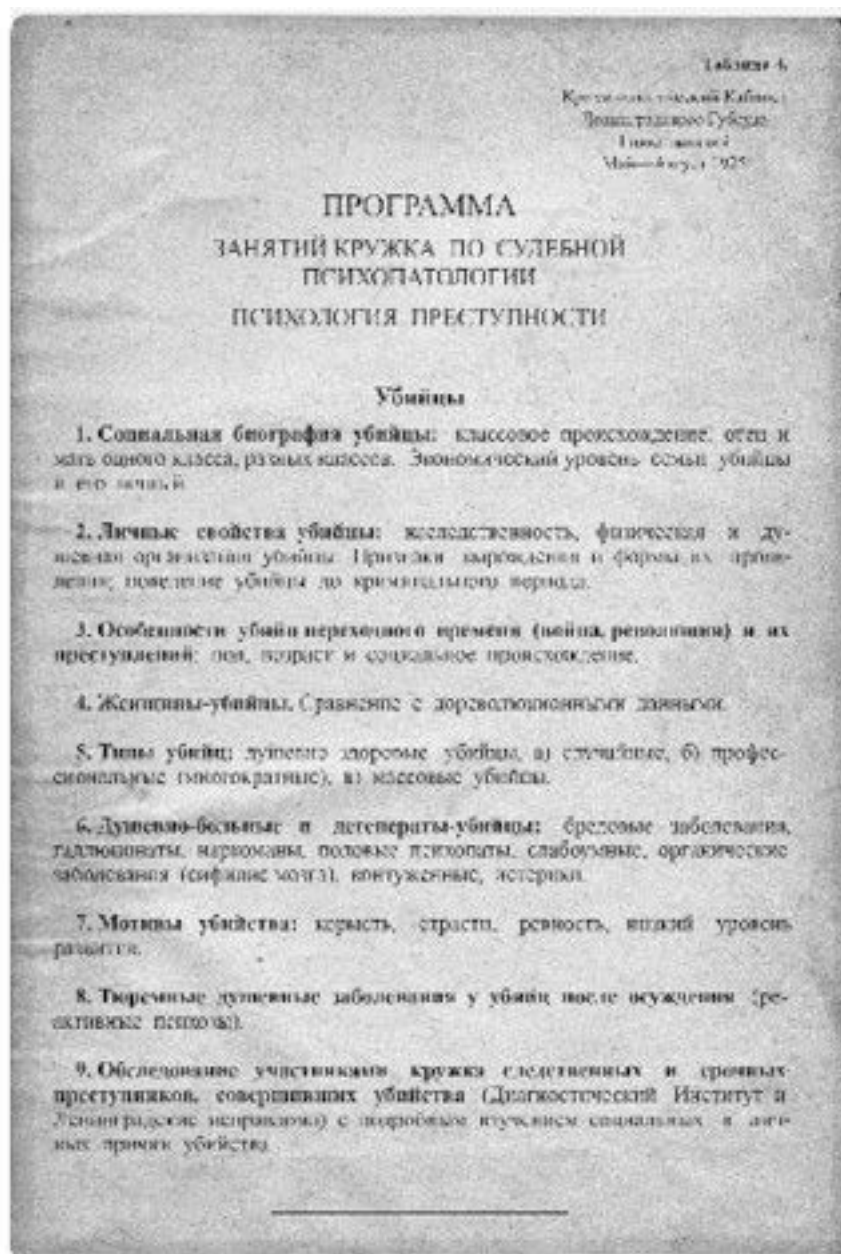
⁶⁹ Новое учреждение // Рабочий суд. 1925. № 9–10. С. 412.

⁷⁰ Открытие Криминологического кабинета при Ленинградском губсуде // Рабочий суд. 1925. № 17–18. С. 786.

Обложка «Судебная медицина в вопросах и ответах» и предисловие к нему (1927)

Сохранились подготовленные сотрудниками кабинета программы занятий кружков 1928 г.: «Судебная психиатрия» (с демонстрациями больных); программа занятий кружка под руководством профессора *П.А. Останкова*; программа занятий кружка по судебной психопатологии.

Программа занятий кружка по судебной психопатологии

Из докладов сотрудников кабинета на отдельные темы можно указать: «Аффект» (профессор *П.А. Останков*); «Гипноз и ясновидение» (доктор *Рейтц*⁷¹); «Симуляция в психиатрии» (профессор *Л.Г. Оршанский*); «Жизнь, суд и преступность за границей» (профессор *Л.Г. Оршанский*).

Вовлечению слушателей в занятия способствовало и наличие в кабинете солидной библиотеки из русских и иностранных книг и журналов по общим вопросам права, а также судебной медицины, судебной психиатрии, судебной психологии и т. д.

⁷¹ *Рейтц Густав Владимирович* (1876–1948) – врач-психиатр. Занимался проблемами парапсихологии. Автор ряда научных работ, в том числе по судебной психиатрии, истории психиатрии, по психологии гениальности. С 1900 г. – врач, а с 1918 г. – главный врач психиатрической больницы № 2 (до революции и в настоящее время – психиатрическая больница Святого Николая Чудотворца). Был консультантом по нервным болезням в доме призрения имени Карла Маркса. Как главный врач, Г.В. Рейтц принимал активное участие в организации клиник Государственного института для усовершенствования врачей и 1-го Ленинградского медицинского института.

Доклад профессора П.А. Останкова, опубликованный в двухнедельном журнале Ленинградского губернского суда (1927, № 19)

Подобные курсы были проведены в филиале ГИИПП – Ленинградском кабинете (лекторы – П.И. Люблинский, Л.Г. Оршанский, П.Г. Бельский, А.К. Ленц⁷² и др.)⁷³.

Так, в производственном плане деятельности ГИИПП на 1928–1929 гг. по Ленинградскому кабинету содержится тема, читаемая П.А. Останковым – «О содержании социально опасных заключенных больных».

Исследовательская работа Саратовского кабинета ГИИПП, в котором преимущественно работали психиатры, руководимые профессором М.П. Кутаниным, основоположником русской школы гипноза и основателем Саратовской школы психиатрии⁷⁴.

⁷² Ленц Александр Карлович (1882–1952) – заведующий Белорусским кабинетом по изучению преступности.

⁷³ Занятия по пенитенциарному делу // Право и жизнь. 1925. Кн. 2–3. С. 118–121.

⁷⁴ Кутанин Михаил Павлович (1883–1976) – окончил медицинский факультет Берлинского и естественный факультет Московского университетов. Работал в Москве в клинике психиатрии имени С.С. Корсакова. С 1923 г. на протяжении более 60 лет работал в Саратове, возглавляя кафедру психиатрии медицинского института и являясь главным врачом областной психиатрической больницы. Научные исследования посвящены главным образом психотерапии и организации психиатрической помощи.

Листинг ?

II. Социально-бытовое обследование

25. Националь-ность	<i>русский, еврей, татар, украинцы, поляки, финны, белорусы, армяне, грузины, азербай.</i>		
26. Сопоставное предприятие	<i>работник, крестьянин, колхоз, домохозяй</i>		
27. Семейное положение	<i>замужем, в зарегистрированном, в незарегистрированном браке, вдов, разведен, ... детей</i>		
28. Партий-ность	а) беспар-тийный	б) состоял ли член РКП (б) и с какого до какого года <i>да, нет, с ... по ... года</i>	
29. Социал-ишная класс.	<i>рабоч., крестьян., батрак, служ., торго., св. труд.</i> Если крестьянин, то имеет ли крестьянс. хол. <i>да, нет, с ... по ... года</i>		
30. Гражданств. (в момент усовестности преступл.)	<i>советск. гражданин, иностранец, капиталистическ. националистическ. элемент — нем. японск, инд.</i>		
31. Основан-ие професии	а) с 191? 192? г. б) с 1922—1925 г.		
32. Сколько друзей было с 1925 по 1925 г.			
33. Жилищные условия	<i>жил в коммуналк. в семье ... человек, коммунал. уютн. жила в коммунальном доме, не имел места ночного отдыха</i>		
34. Был ли без-работным	а) да, нет а) с ... по ... год б) был ли зарегистрир. на бирже Труд. да, нет		
35. Сколько раз судился и за что?	<i>Подпись обследуемого</i>		

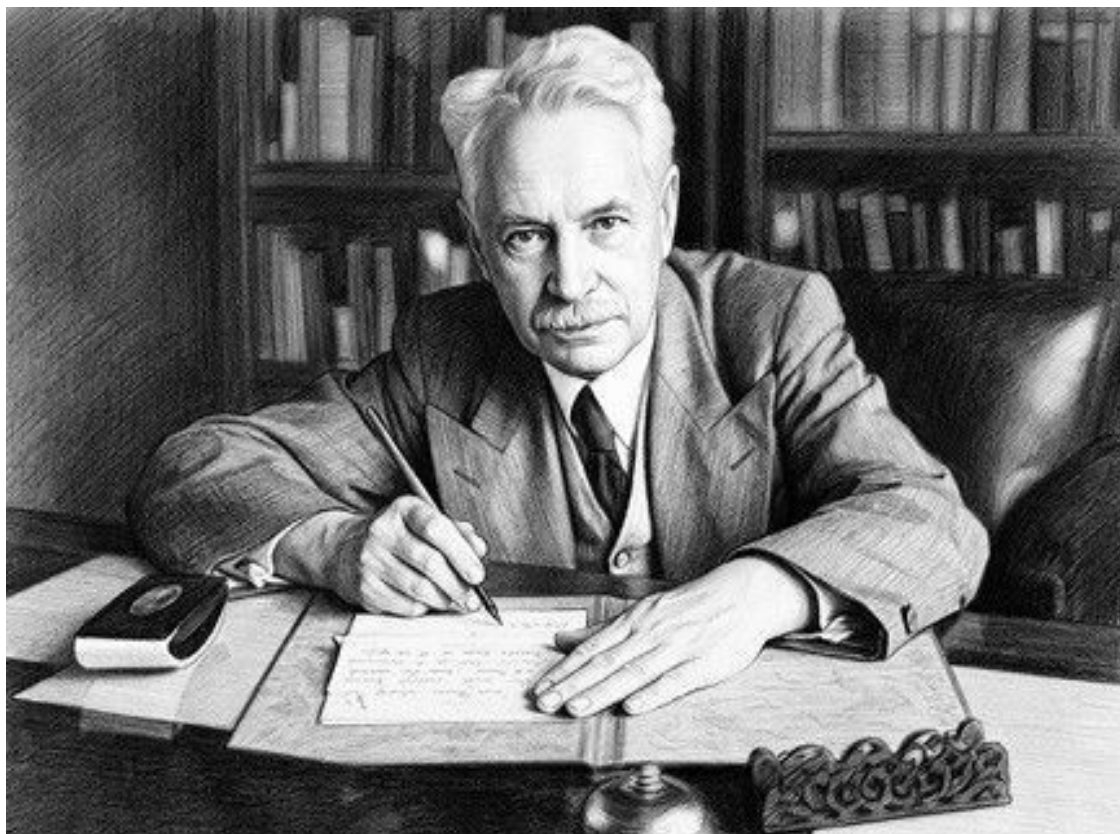
III. В месте заключения

36. Как долго отбывал наказание	37. Поведение
38. Оценоч-ный труд	а) какую работу выполняет б) отношение к работе
39. Материальные условия в месте заключения	а) получает ли еду, одежду б) живет ли там же, где а) имеет ли сбережения да, нет
40. Общее участие в расквете	

Подпись офиц. работника

Анкета по изучению личности преступника Ленинградского криминологического кабинета

М.П. Кутанин – выпускник медицинских факультетов Берлинского и Московского университетов, он более 40 лет возглавлял кафедру психиатрии Саратовского университета, создав целую научную школу. Одним из первых в России он начал изучать проблему борьбы с наркозависимостью. Составил первое в отечественной психиатрии обстоятельное описание кокаинизма. Во время гражданской войны и послевоенной разрухи кокаинизм оказался распространен и в криминальной среде, а также среди подростков-беспризорников. Фактически он одним из первых сделал вывод о необходимости создания специализированных клиник для наркозависимых. Сейчас это считается нормой, но тогда было почти что открытием. *М.П. Кутанин* некоторое время работал на кафедре психиатрии Московского университета, во главе которой находился классик российской и советской психиатрии профессор *П.Б. Ганнушкин*. В 1922 г. по приказу наркома Михаил Павлович был направлен в Саратов для укрепления там психиатрической помощи.

Михаил Павлович Кутанин

Следует отметить, что еще в мае 1922 г. был создан Саратовский губернский кабинет криминальной антропологии и судебно-психиатрической экспертизы. Его инициатором стал доктор *А.П. Штесс*⁷⁵ – его первый заведующий. Это была одной из первых научных организаций, созданных за время революции, в целях изучения и борьбы с преступностью. В качестве консультантов были приглашены профессора *А.А. Крогиус* и *М.П. Кутанин*.

Проект организации кабинета был представлен *А.П. Штессом* в Саратовскую губсекцию мест заключения и утвержден ею, а затем и главным управлением местами заключения. В этом проекте цели кабинета определялись следующим образом: «Изучение этиологии, патологии и патогенеза преступности, а также и личности преступника как носителя последней... Изыскание методов перевоспитания и терапевтического воздействия (психотерапии и других методов лечения) на лиц, впавших в преступление, в целях их приспособления к условиям общественной жизни и производство судебно-психиатрических экспертиз для судебно-следственных органов»⁷⁶.

⁷⁵ Штесс Альфред Петрович (1899–1955) – начальник Саратовской тюремной инспекции, психиатр, занимавшийся вопросами образования заключенных. В 1919 г. в Саратове был первым организатором учебно-воспитательной части в Губтюрьме.

⁷⁶ См.: *Иванов Г.* Из практики Саратовского губернского кабинета криминальной антропологии и судебно-психиатрической экспертизы // Советское право. 1925. № 1 (13). С. 85.

Доктор А.П. Штесс с женой (1930)⁷⁷

С осени 1923 г. при кабинете открывается стационар характера нервно-психиатрического отделения на 15 коек с самостоятельным штатом и заведующим. Штат кабинета увеличился до шести человек, работа пошла гораздо интенсивнее: был выработан более краткий план обследования – по так называемой *криминально-диагностической карточке*, а также форма характеристики на основании таких обследований – *криминально-антропологический профиль*.

Кабинет мог теперь пропускать по сокращенному плану всех вновь поступающих в Саратовский исправдом заключенных.

Кабинет включал следующие отделения:

- 1) социологическое обследование;
- 2) психологическое обследование;
- 3) физическое обследование;
- 4) нервно-психиатрическое обследование;
- 5) гипнотерапия;
- 6) криминальная педагогика.

Психологическое отделение имело психофизиологическую лабораторию, а нервно-психиатрическое – две стационарных палаты в больнице исправдома.

Медицинское обследование включало изучение наследственности, условий и образа жизни, наркотическую зависимость, половую функцию, перенесенные заболевания, настоящее состояние, диагноз, умственную и физическую работоспособность. Особенно тщательно в медицинском обследовании исследовалась нервно-психическая сфера.

Для нервно-психиатрического исследования кабинет имел две стационарные палаты, куда и помещались представляющие с этой стороны интерес исследуемые. Здесь над ними проводилось клиническое наблюдение.

⁷⁷ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=36902628>

Все экспертные работы в кабинете проводились по криминально-диагностическим карточкам, велось тщательное клиническое наблюдение в стационарных палатах; заключение выносилось на конференции кабинета при участии не только психиатров, но и психолога и социолога, а также на основе всех полученных материалов. Через кабинет проходили все судебно-психиатрические экспертизы для судебных органов.

К 1925 г. кабинет провел около 100 судебно-психиатрических экспертиз, получил около 400 заполненных криминально-диагностических карточек и свыше 200 «историй преступлений».

В производственном плане деятельности ГИИПП на 1926–1927 гг. по Саратовскому кабинету были указаны работы: «Психопатология у преступников», «Наркоманы – как преступники», «Рефераты из текущей литературы» (профессор *М.П. Кутанин*).

На научной конференции кабинета был заслушан доклад доктора *С.М. Желиховского*⁷⁸ – «Факторы преступности и группировка социально слабых».

Психиатрами *С.М. Желиховским* и *М.В. Соловьевым* была выполнена работа «К казуистике детских убийств». *М.В. Соловьев* занимался изучением жизни и быта проституток, а также и татуировкой несовершеннолетних правонарушителей. Профессор *М.П. Кутанин* работал над проблемой – «Психопатизм и преступность».

Популярно-научная и культурно-просветительная деятельность кабинета была самостоятельной частью в работе учреждения. Кабинетом были организованы лекции, диспуты на такие темы, как «В мире отверженных», «Психиатрия и жизнь», собиравшие большую аудиторию и проходившие с полным успехом.

Всего за почти 10 лет своего существования Саратовский кабинет представил свыше 80 докладов и отдельных исследований, которые в основном носили психоневрологический характер и помещались в специальных медицинских журналах⁷⁹. Часть работ была опубликована в сборниках ГИИПП «Проблемы преступности»⁸⁰, журнале «Советское право», газетах «Саратовские известия», «Поволжская правда» (например, ряд статей, подготовленных заведующим кабинетом профессором *М.П. Кутаниным* «О необходимости понять преступника», «О задачах кабинета», «О патологическом опьянении», «О хулиганстве» и др.).

Если в самом начале основную работу кабинета выполняли психиатры, то в последующем, как отмечал *М.П. Кутанин*, «юристы взяли ее в свои руки, а затем, когда область переехала в Сталинград, туда и они переехали и вскоре закрылись»⁸¹.

За сравнительно небольшой период только сотрудниками ГИИПП и его филиалов было опубликовано около 300 научных работ. При этом продуктивной была, прежде всего, разработка «психологических портретов» таких категорий преступников, как детоубийцы (*М.Н. Гернет*), конокрады (*И. Геденов*, *Р.Е. Люстерник*)⁸², хулиганы (*Т.Е. Сегалов*), насильники (*Н.П. Бруханский*), поджигатели (*Т.Е. Сегалов*), убийцы корыстные и из мести (*И.И. Станкевич*). Многопланово были исследованы и такие проблемы, как совершенствование методики изучения личности преступников (*И.А. Рыбников* (1926); *Н.В. Петровский* (1926); *А.М. Рапопорт* (1926); *А.Е. Петрова* (1927); *Л. Леонтьев* (1928); *Г.И. Аийхсивальд*

⁷⁸ *Желиховский Станислав Михайлович* в те годы – ассистент Саратовской психиатрической клиники – тонкий клиницист – много внимания в своей работе уделял изучению расстройств инстинктивной деятельности при психических заболеваниях, особенно при шизофрении, – этому вопросу была посвящена его кандидатская диссертация.

⁷⁹ См.: *Кутанин М.П.* Саратовский кабинет по изучению преступности и преступника // Пути советской психоневрологии: мат. I съезда психиатров и невропатологов Средне-Волжского края (5–11 ноября 1930 г.) / под общ. ред. А.Л. Камаева. Самара: Тип. им. Т. Мяги, 1931. С. 64.

⁸⁰ См., например: *Иванов Г.* День заключенного Саратовского изолятора // Проблемы преступности: сб. М.: Изд-во НКВД, 1929. Вып. 4. С. 98–107.

⁸¹ См.: *Погорелов М.А.* Медикализация преступности в советской судебной психиатрии, 1918–1936 гг. С. 80.

⁸² *Люстерник Роман Ефимович* (1898–?) – ученый, педагог, клиницист, врач.

(1928) и др.), отношение осужденных к приговору (А.И. Зинев (1927) и др.), влияние мест лишения свободы на личность преступника (О.М. Кулер (1924); А.М. Халецкий (1930) и др.).

К сожалению, рассматриваемый в настоящем исследовании период небывалого подъема отечественной науки был прерван. Отдельные авторы видели в работе криминологических кабинетов недостатки, связанные с ошибочным, по их мнению, объяснением причин преступности биологическими особенностями человеческого организма⁸³. «Публиковавшиеся этими кабинетами работы, многие из авторов которых применяли биопсихологический метод изучения преступника и преступности, во всех случаях и весьма наглядно, показывали их методическую несостоятельность»⁸⁴.

Верным видится следующий вывод по разрешению спора между критиками и учеными – медиками и социологами, проводившими «бок о бок» в криминологических кабинетах исследования преступности и преступника, – «преступность нуждается в совместном и социологическом, и биологическом изучении»⁸⁵. Об этом в 1930 г. на Всесоюзном съезде по наукам о поведении человека сотрудник Ленинградского кабинета Л.Г. Оршанский указал в своем докладе – такую модель криминологии он назвал «синтетической», в фундаменте которой лежали бы криминальная биология и социальные дисциплины (уголовное право, экономика и обществоведение), но большое место занимала психиатрия⁸⁶.

Таким образом, деятельность ученых-психиатров, работавших в ГИИПП и его региональных кабинетах, сыграла ключевую роль в становлении и развитии отечественной криминальной психиатрии как самостоятельной научной дисциплины. Именно они заложили основы клинического, междисциплинарного и биосоциального подхода к изучению преступности, в центре которого находилась личность правонарушителя как объект комплексного анализа. Благодаря усилиям таких выдающихся специалистов, как Е.К. Краснушкин, Н.П. Бруханский, В.В. Браиловский, М.П. Кутанин, А.О. Эдельштейн, Н.И. Озерецкий и др., криминальная психиатрия в 1920-е годы обрела научную и организационную структуру, позволившую не только углубить понимание психопатологических и социальных механизмов преступного поведения, но и выработать практические рекомендации для судебно-психиатрической экспертизы, пенитенциарной политики и профилактики правонарушений.

Научная организация их деятельности в рамках ГИИПП обеспечила системность, методологическую целостность и высокую степень эмпирической обоснованности проводимых исследований. ГИИПП, разработавший соответствующие уникальные методики изучения личности преступника, в том числе с широким привлечением к их реализации врачей-психиатров, стал уникальной площадкой для взаимодействия психиатров, психологов, социологов, юристов и педагогов, что позволило сформировать синтетическую модель криминологического знания, в которой биологические и социальные факторы рассматривались во взаимосвязи. Благодаря этому ГИИПП не только стал ведущим научным центром по изучению преступности в СССР, показав эффективность методологических подходов к организации криминологических исследований на основе централизации (института как криминологического центра) и децентрализации (сети региональных филиалов, кабинетов), а также перспективные направления изучения преступности и личности преступника, но и оказал значительное влияние на развитие международной криминологической и судебно-психиатрической мысли.

⁸³ Волков Г.И. Уголовное право и рефлексология. Харьков: Наркомюст УССР, 1928. 132 с.; Булатов С.Я. Возрождение Ломброзо в советской криминологии // Революция права. 1929. № 1. С. 42–61; Кузьмин П.В. Новейший ревизионизм в уголовном праве // Советское государство и революция права. 1930. № 8–9. С. 54–91; Волков Г.И. Классовая природа преступлений и советское уголовное право. М.: Советское законодательство, 1935. 238 с. и др.

⁸⁴ Бурчанинов В.П. Понятие причин конкретных преступлений и условий, способствующих их совершению // Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 163.

⁸⁵ Бурчанинов В.П. Понятие причин конкретных преступлений и условий, способствующих их совершению. С. 9.

⁸⁶ Оршанский Л. Преступник и преступление переходной эпохи (1917–1930) // Психоневрологические науки в СССР: мат. I Всесоюз. съезда по изучению поведения человека. М.; Л.: Госмедиздат, 1930. С. 330–333.

Ю.В. Трунцевский, В.В. Севальнев

Преступный мир Москвы Криминальные психопаты современности и борьба с ними⁸⁷

Мировая война потрясла не только социально-экономические основы, но и нервно-психическое здоровье народов. В ней сплелись в один порочный круг, расшатывая нервно-психическое здоровье народов, факторы различных порядков. И не последнее место среди них принадлежит душевному потрясению, психической травле в самом широком смысле слова как причине душевных и нервных расстройств войны (фактор психогенетический). Во всяком случае, ей принадлежит роль фактора, формулирующего болезнь в (ее) внешнем проявлении (патопластический фактор) и тем самым определяющего специфические черты психопатической физиономии современности. В психике каждого участника войны, оторванного от своего очага, бродящего с места на место, ради сохранения собственной жизни лишаящего жизни другого, разоряющего и предающего пожару жилище и имущество неприятеля, живущего в постоянных опасностях, защищающегося не только оружием, но и хитростью, ложью, обманом, словом – в психике каждого воина, перенесенного таким образом из современных культурных условий в условия изменчивой и необеспеченной жизни дикаря, должны естественно пробуждаться первобытные инстинкты, первобытные психизмы этого последнего. В мирной обстановке эти первобытные психизмы как старые и глубокие пласты души прикрыты слоем новых культурных отложений. Как раз эти примитивные слои психики привлекаются в последнее время к объяснению многих психопатологических феноменов и, в частности, к трактовке психопатических личностей с их примитивными и истерическими реакциями. Это – учение Крепелина о частичных задержках психического развития, о так называемых частичных инфантизмах, положенное в основу толкования психопатических личностей, и учение Кречмера о гипонойе и гипобулии⁸⁸ как преимущественных истерических механизмах.

В свете этих учений совершенно понятно, почему война, вызывая к жизни первобытные слои психики, оказала наибольшее действие на психопатические личности, уже от природы изуродованные в том же направлении, война активировала некоторые виды психопатий, она сделала их особенно яркими, она их размножила, ибо она прорвала хотя бы и тонкий культурный слой некоторых психопатов, но все-таки позволявший им приспособляться к общественному порядку мирной жизни; война – как родная для этих личностей стихия – вынесла их неприкрашенными во множестве на поверхность общества. И эта большая накипь войны настолько велика во всех странах, что вопрос о психопатах стал актуальнейшим вопросом современности. В задачи настоящей работы не входит обсуждение всех общих спорных вопросов, касающихся учения о психопатах, но мне невольно, хотя и на короткое время, приходится остановиться на некоторых выводах психиатрической науки, поскольку они связаны с основной темой об антисоциальных психопатах.

«Психопатическая конституция, наследственное отягощение и вырождение, – говорит Бумке, – вот три слова для одного и того же понятия, и нечего говорить, что количество слов может быть умножено». Я бы сказал, что именно эти три слова наилучшим образом определяют изучаемое явление, и главным образом потому, что они далеко не равнозначны.

⁸⁷ Краснушкин Е.К. Криминальные психопаты современности и борьба с ними // Преступный мир Москвы: сб. ст. / под ред. и с предисл. проф. М.Н. Гернета. М.: Право и жизнь, 1924. С. 192–204.

⁸⁸ Гипонойя и гипобулия – слова греческого происхождения; ими Кречмер обозначает те механизмы мышления и воли, которые сохранились у нас как остатки типа мышления и воли первобытного человека; гипонойальные механизмы обнаруживаются в образном конкретном характере наших мыслей во время сна (сновидения), гипноза и т. п.; гипобулические – выявляются в так называемых автоматических инстинктивных действиях при сильных аффектах (например, паническое бегство).

В отношении слова «вырождение» над нашей мыслью до сих пор еще тяготеет определение, данное отцом учения о дегенерации *Морелем* как о роковом наследственном процессе постепенного, из поколения в поколение, упадка человеческого рода до глубоких ступеней идиотизма и форменного вымирания. Современное же учение о наследственности все меньше и меньше дает права допускать такого рода закономерность, напротив, скорее утверждает, что все признаки вырождения, как обусловленные факторами социального порядка, нищетой, дурной пищей, плохим воспитанием, вредными профессиями, алкоголизмом, сифилисом, туберкулезом и т. д., словом – «условиями, по выражению *Дриля*, жизни пролетариата», должны исчезнуть уже в ближайшем поколении с устранением всех этих условий. На основании результатов изучения вырождения несколько лет тому назад английской комиссией большинство авторов приходят к заключению, метко сформулированному *Геркнером*: «Вопрос вырождения это вопрос питания и жилища». «Что же касается законов наследственности, то это законы возрождения здоровья и законы регенерации, а не дегенерации» – (*Бумке*). Таким образом, вырождение в новом научном понимании утратило свой прежний характер безнадёжного фатума, а борьба с вырождением переносится в плоскость социальной борьбы за благополучие народа.

К кругу явлений, которые охватывает понятие о наследственном отягощении, относится и повреждение зачатка теми или иными ядами материнской организации (алкоголь, сифилис, туберкулез и т. п.) и наследственное предрасположение к той или иной болезни, вовсе еще не обозначающее самого болезненного состояния.

Наконец, что мы называем психопатической конституцией или психопатической личностью? Это – такое состояние психической личности, которое не может быть названо ни здоровьем, ни психической болезнью, это – состояние пограничное. Вот это отсутствие точного положительного определения психопатической конституции делает то, что сюда разными авторами относятся как различные по своему происхождению, так и просто различной психопатической квалификации аномалии. Так, *Циген* различает врожденные и приобретенные психопатические конституции. Да и фактически мы далеко не всегда умеем отличать исходные состояния некоторых болезней-процессов от врожденных психопатов.

Наконец, некоторые психиатры, как, например, *Груле*, относят врожденно-слабоумных (олигофренов) тоже к психопатическим личностям и не без основания. Всем известно, что очень многим психопатам и особенно так называемым врагам общества (антисоциальным психопатам) часто присуща некоторая степень интеллектуальной отсталости. Таким образом, клинические рамки для психопатических личностей безгранично широки.

Итак, слова «вырождение», «наследственное отягощение» и «психопатическая конституция» вовсе не обозначают тождественных понятий, но представляют собой треххвостную формулу, выражающую троеликость занимающего нас явления, вырождение – по преимуществу его социальное лицо, наследственное отягощение – его биологическое и психопатическая конституция – его клиническое лицо. Все три сливаются в одно больное, тревожащее нас лицо современности и определяют как прогноз этого явления, так и практический подход к нему, всю ширину задачи лечения и призрения психопатических личностей.

«Криминальная физиономия современности, – говорит тюремный врач в Бриге *Гиксен*, – получает, благодаря многочисленным психопатическим личностям среди преступников, свою характерную печать». Далее Гиксен утверждает, что около 30 % всех преступников современной Германии составляют психопатические личности. Я полагаю, что и у нас последние составляют не меньший, если не больший процент всех преступников. На это по крайней мере указывают результаты анкетного обследования арестных домов Москвы весной 1923 г., в котором мне выпало на долю принять деятельное участие. Психиатрически были обследованы около 644 арестованных, и тут ясно сказалось различие между представителями так называемых преступных профессий, ворами, грабителями, бандитами, мошенниками, с одной стороны, «чест-

ными преступниками», рядовыми гражданами, совершавшими преступление в силу тяжелого материального положения, самогонщиками, с другой. Если у первых наследственное отягощение встречается в среднем в 80 %, травма головы – в 28,7 %, алкоголизм и злоупотребление наркотиками – 36,3 % и душевные болезни и припадки – в 18,5 %, то у вторых, самогонщиц, все эти психопатологические тесты колеблются в пределах от 1 до 4 % (табл. 1).

Таблица 1

	Воры		Грабители		Самогонщики	Убийцы		Мошенники	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины		мужчины	женщины	мужчины	женщины
Военная служба	68	—	78%	—	Мужчины исключены из таблицы, так как из них обследованы специально патологические типы	—	84,5%	—	69,5%
Травма	37,5%	3,8%	47,5%	14%		0,3%	14%	12%	47,9%
Наследственное отягощение	84,5%	70,5%	88,5%	100%		4%	28%	100%	56,5%
Наркомания (алкоголизм, кокаиизм)	44,5%	30%	47,5%	14%		1%	14%	—	43,5%
Душевные болезни и припадки	20,5%	20%	27%	21%		1%	—	—	4,4%
Общее число обследованных	187	62	124	14		212	14	8	23

Что за тип психопатов пополняет кадры современной армии преступников и не существует ли специального типа преступных психопатов? Среди психиатров, сколько мне неизвестно, теперь не существует правоверных приверженцев учения Ламброзо о врожденном преступнике. Однако один тип психопатов, как будто современная психиатрическая мысль склонна рассматривать как тип врожденного преступника, – это так называемый *враг общества* Крепелина или *эретик* Груле. Это душевнотупые, лишенные каких-либо социальных чувств и вместе с тем активные в своих преступных склонностях психопаты. Но как раз этот тип психопатов очень редко встречается в рядах криминальных психопатов. Преступность – одна из постоянных социальных реакций большинства психопатов, ибо основным свойством психопатической личности является ее социальная неприспособленность, ибо «вырождение порождает преступность или, как говорит *Бирнбаум*, вырождение само по себе криминогенно». О криминальных психопатах можно говорить не как о специальном типе врожденного преступника, но как о психопатах в силу некоторых черт своего психопатического склада особенно склонных к антисоциальному поведению. По степени склонности к антисоциальным действиям можно, пожалуй, было бы представить целую скалу известных нам психопатических типов, начиная от наиболее криминогенного характера врага общества через эпилептоида, импульсивного, врожденного плута, инстабля до невинного, подчас чрезмерно честного, психастеника.

Кого же мы, психиатры, называем антисоциальными психопатами? *Курт Шнейдер* говорит: «К врачу попадают только люди конфликта (*Konfliktpersönlichkeiten*), только такие психопаты, которые или сами страдают от своей аномалии, или, благодаря ей, вредят обществу». Вот последние и являются антисоциальными психопатами. Как я уже говорил, во все наши группы психопатов входят больные личности различного этиологического происхождения: тут, по-видимому, стойкие изменения личности, приобретенные вследствие болезненных агентов, как травматика и постэнцефалитики (перенесшие воспаление мозга), тут и аномальные характеры, вызванные эндогенными⁸⁹ психическими болезнями-процессами, как эпилептики и шизофреники, и, наконец, врожденные, как мы их называем, конституциональные аномалии характера. Но все они в своем уклонении от психической нормы не переходят границ так называемых пограничников, т. е. не душевнобольных в тесном смысле слова, но уродливых характеров, причем переход к нормальным характерам постепенен. Наши психопаты без резких границ сливаются с тем, что принято называть душевной нормой, с одной стороны, а с другой – с душевной болезнью. Невозможность установить этиологическую классификацию психопатов делает то, что принятые группировки их являются чисто характерологическими. Но мало того, благодаря этому мы не можем провести резкой границы между отдельными характерологиче-

⁸⁹ Эндогенные болезни – это болезни вследствие самоотравления организма.

скими типами психопатов совершенно так же, как между психопатией и нормой. Мы выделяем отдельные типы психопатических личностей только по преимущественному значению отдельных и основных черт характера их. Мы различаем инстаблей главным образом по слабости воли, нестойкости всей интеллектуальной и эмоциональной жизни; это люди беспечные, веселые, живущие сегодняшним днем и даже минутой, ни к какой выдержке в своей деятельности неспособные, склонные к фантазии, неактивные, из которых жизнь лепит, что ей вздумается, это «люди среды». К ним подходят, с одной стороны, по жизнерадостному темпераменту и легкомыслию гипертимики, а с другой, легкие степени врожденной умственной отсталости – дебилики, которые, благодаря своей интеллектуальной слабости, внушаемы и податливы к внешним влияниям. Но такими же свойствами обладают и патологические луны, и плуты, они также безвольны, но над всей психикой господствует и определяет их жизнь чрезмерная, ничем неконтролируемая и несдерживаемая фантазия и склонность к маскараду в жизни. По существу, безвольные и импульсивные, но если поведение инстабля определяется окружающей обстановкой, то поведение импульсивного определяют мощные примитивные влечения: это, так сказать, бродяги, запойные, картежники по призванию. С ними в близком родстве эпилептоиды, но тут на всей психике, кроме власти влечений, еще печать беспричинных расстройств настроений, переходящих тоскливо-злых эмоций, наступающих без внешних поводов, склонности к реакции на внешние впечатления тяжелыми аффектами гнева и отчаяния, готовыми в любой момент затемнить их сознание, и, наконец, общая тяжесть, вязкость психических процессов, глубокий эгоизм, моральная тупость и т. д.

Совершенно естественно своей моральной тупостью и чисто животными интересами в жизни они сливаются с врагами общества и некоторыми шизоидными психопатами. Но о шизоидных и циклоидных психопатах следует сказать несколько слов специально. В недавнее время Тюбингенский психиатр Кречмер, исходя из клиники двух больших психопатических кругов, циркулярного психоза и шизофрении, сделал попытку классифицировать характеры нормальных людей. От ярких психотиков через пограничные психопатические состояния он переходит к нормальным типам людей, причем он оговаривается, что он вовсе не желает смотреть через обычные психиатрические очки на нормальных людей; в клинике – карикатуры на нормальные конституции, отражение этой нормы как бы в кривом зеркале; но это та изуродованность изображения позволяет легче отделить существенное от несущественного и правильно понять и воспроизвести нормальный, сложный, гармонично построенный характер человека. Попытка должна быть признана удачной, и цюрихский психиатр Блейлер расширяет рамки Кречмеровского учения о шизотимической и циклотимической конституции, утверждая, что шизоидия и синтония – это общечеловеческие реакции. Вот какие типы рисует Кречмер: шизотимики – нормальные люди, по темпераменту отвечающие типу психотического шизофреника, – это люди полярных чувств, мыслей и действий, люди с душевной тупостью или чрезмерной чувствительностью, люди крайних установок в жизни, волевые или пассивные, холодного разума, расчета, или подчиняющие себе окружающие или уходящие от него, замыкающиеся в себя люди порывистого психического темпа, всяких парадоксов, пафоса, или полного равнодушия люди формы и т. д. Наоборот, циклотимики – люди теплого душевного чувства, которое колеблется от тоскливого до солнечно-веселого радостного настроения, люди открытые, принимающие жизнь так, как она есть, люди общества, люди мягких переходов гармонического волнообразного психического темпа и т. д.

Но мало того, Кречмеру удалось установить постоянную связь этих двух основных темпераментов с определенной телесной конституцией. Так, шизотимики большей частью в своем телесном строении астеники (преобладание во всем строении тела длины над шириной, тонкокостные, худые, с удлинненными и острыми чертами лица), циклотимики же – в огромном большинстве случаев пикнического строения (мягкие, гармонические лица, гармоническое закругленное тело, старые пикники – приятного вида уютные толстяки). Кречмер различает

еще несколько типов сложения: это, с одной стороны, атлетический (тут само название говорит за себя) и с другой – диспластики⁹⁰, куда входят различные аномальные типы телосложения, как евнухоидный, инфантильный (детский) и т. д. Оба и атлетические, и диспластики, по Кречмеру, также иногда встречаются среди шизоидов.

Я вовсе не склонен рассматривать каждого преступника как психопата, но считаю себя вправе утверждать вместе с Риксэном, Ашаффенбургом и др., что основное ядро «блатного мира» психопатично и наши психопаты задают тон современной преступности. На это, кроме уже отмеченного у преступников высокого процента цифры наследственного отягощения алкоголизма и т. д., более непосредственно указывает высокий процент дегенеративных стигм детского возраста преступников, как: ночных страхов, лунатизма, ночного недержания мочи и т. д.; причем повторно судившиеся дают более высокий процент этих стигм, чем однократно судившиеся.

Вот в каких цифрах по нашему анкетному обследованию выражается частота этих аномалий детского возраста (табл. 2).

Таблица 2

	Воры	Бандиты	Убийцы	Мошенники
С одной судимостью	38,6%	58,1%	33,3%	23%
С повторной судимостью	87%	86,6%	100%	55,5%

Таким образом, совершенно естественно, следуя *Кречмеру*, строить и характеры нормальных преступников по типам клинически изученных криминальных психопатов, однако помня, что последние отражают норму в уродливом искаженном виде. Четырехлетнее знакомство с «блатным миром» и анкетное обследование ардомов Москвы убеждает, что, как и всякая честная человеческая профессия по мало еще известным нам биосоциальным законам привлекает людей соответствующих психических конституций, различные преступные профессии предпочитают соответственные им типы психопатов и соответствующие им нормальные характеры.

Так, бандиты, эти корыстные насильники-преступники, в большинстве эпилептоиды или родственные им импульсивные: воры, простые карманники, «домушники» и др., «по тихой», беспечные, веселые, трусливые – инстабли или гипертимики, но, как только для вора требуется больше дерзости, насилия, например для вора взломщика, так и тип меняется, тут больше эпилептоидов; конспиративному характеру укрывательства отвечает обычно шизоидный тип самого укрывателя; несложная задача «стоящего на стреме» (караульщика) выполняется торпидным (вялым) дебилом; в мошенничестве помимо вооруженных плутов участвуют циклоиды и шизоиды, как более сложные психопатические типы, ибо и само мошенничество по своим механизмам и на основании криминальной статистики – преступление более культурного общества; наконец, для убийства нужен враг общества с его душевной тупостью или родственной с ним в этом отношении шизоид (табл. 3 и 4).

Таблица 3. Повторно судившиеся

⁹⁰ Диспластики – люди аномального телосложения, в то время как астенический, пикнический и атлетический типы являются типами нормального телосложения.

Типы	Воры		Бандиты		Убийцы		Мошенники	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Эпилептоиды	12%*	29,6%	35,5%	50%	50%**	—	—	—
Импульсивные	12%	—	51,6%	50%	—	—	—	—
Инстабли	50,7%	57%	12,9%	—	—	—	—	—
Дебильные	9,3%	3,7%	—	—	—	—	—	—
Гипертимики	4%	7,4%	—	—	—	—	—	—
Шизоиды	12%	22,2%	—	—	50%	—	44,5%	—
Циклоиды	—	—	—	—	—	—	55,5%	—

* Главным образом воры-взломщики.

** Корыстные убийцы – тип врагов общества.

Таблица 4. Однократно судившиеся

Типы	Воры		Бандиты		Убийцы		Мошенники	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Эпилептоиды	9,3%*	16%	41,3;	11,1%	50%***	—	—	—
Импульсивные	1,3%	4%	39,7%	—	—	—	—	—
Инстабли	53,9%	52%	3,2%	—	—	—	11,7%*****	—
Дебильные	14,5%	—	7,9%	—	—	—	—	—
Гипертимики	7,9%	4%	1,6%	11,1%	—	—	—	—
Шизоиды	10%	12%	6,3%	66,7%**	50%****	100%****	35,2%	—
Циклоиды	2,6%	4%	—	—	—	—	53,1%	—

* В этой группе главным образом воры-взломщики.

** В этой группе женщины – укрывательницы бандитов и их жены.

*** В этой группе у нас корыстные убийцы, убийцы и убийцы аффективные.

**** Типы, частью приближающиеся к врагам общества.

***** Инстабли, больше типа лгунов и плутов.

Попутно при анкетном обследовании удалось отметить некоторые преимущественные связи между типом характера и типом телосложения по Кречмеру. Циклоиды действительно по преимуществу пикнического сложения, в то время как шизоиды – астеники. Новым явился тот факт, что эпилептоиды и импульсивные большей частью атлетики, а инстабли – диспластики.

Таким образом, бандиты в большинстве случаев являются атлетически сложенными людьми, а воры – недоразвитыми, инфантильными или дегенеративно сложенными, евнхоидами и т. д. (табл. 5).

Таблица 5. Типы телосложения по Кречмеру

	Астенический	Пикнический	Атлетический	Дисплатический	Смешанный	
					с преимущественно характерной атлетичностью	с преимущественно характерной астеничностью
Эпилептоиды	13,1%	—	68,4%	7,8%	10,7%	—
Импульсивные	18,1%	—	66,6%	3%	12,3%	—
Инстабли	32,5%	4%	9,5%	50,8%	—	3,2%
Дебильные	8,4%	—	33,3%	58,3%	—	—
Гипертимики	16,7%	83,3%	—	—	—	—
Шизоиды	33,3%	6,7%	33,3%	20%	—	6,7%
Циклоиды	43,4%	66,6%	—	—	—	—

Таким образом, подводя итог анкетному обследованию, можно следующим образом характеризовать преимущественный психофизический облик представителей основных преступных профессий современности (табл. 6).

Таблица 6

Преступная профессия	Психологический тип	Телесный тип по Кречмеру
Воры	Безвольные: инстабли, дебилики и гипертимики	Диспластики, пикники
Бандиты	Аффективно-инстинктивные: эпилептоиды и импульсивные	Атлетики
Убийцы	Душевнотупые: шизоиды и враги общества	Астеники, атлетики и диспластики
Мошенники	Врожденные плуты, шизоидные плуты и циклоидные плуты	Астеники, диспластики, пикники

Анкетное обследование также вскрывало, как я уже говорил, часто понижение интеллектуального уровня моральных представлений у огромного количества обследованных арестованных. Таким образом, процент дебиликов разных темпераментов может быть несколько выше, чем помечен в таблицах; но при исследовании интеллектуальных способностей у преступников никогда нельзя исключить элемента аггравации (преувеличение симптомов болезни) и даже симуляции, укладывающихся в картину так называемой псевдодеменции⁹¹. Да, наконец, как я уже указывал, провести границу между олигофренами и психопатами тоже невозможно. Рисунок психопатической физиономии московской преступности сделан грубыми масками, схематизирующими действительность, и не претендует на нозологическую точность. Если полагать, что у нас психопатические преступники составляют не меньший процент, чем в Германии, т. е. около 30 % по Риксэну, а на это указывает анкетное обследование, то уже для одной Москвы получается огромная цифра, во всяком случае, не меньше 1500–1000; по крайней мере, около 1000–1500 арестантов за год обращается к нам, врачам-психиатрам мест заключения, за помощью в амбулаториях последних.

⁹¹ Псевдодеменция – ложное слабоумие, отличающееся от деменции (слабоумия) своим преходящим, излечимым и целевым характером.

Что же с ними делать? Практически вопрос тесно связан с вопросом вменяемости криминальных психопатов. Конечно, «змея не виновата, что она ядовита». Но для нас, психиатров как детерминистов, вообще приемлема только формула *Амона*, что «моральной ответственности не существует, все люди невменяемы, что социальная ответственность – это социальная реактивность».

Однако практически мы постоянно должны решать перед следователем, прокурором и судом вопрос о вменяемости, и признание данного преступника невменяемым в большинстве случаев обозначает, что мы принимаем его под свое психиатрическое крыло, применяя к нему все виды психиатрического воздействия, гарантируя общество от опасности с его стороны всем имеющимся в нашем распоряжении психиатрическим аппаратом. Можем ли мы признать невменяемыми всех психопатов? Подавляющее большинство психиатров отвечает на этот вопрос отрицательно. Большинство психопатов мы признаем уменьшенно вменяемыми, и это вполне отвечает тому, что психопатия является пограничным состоянием между нормой и болезнью. Только очень небольшую часть психопатов, психическое уродство которых так глубоко и резко расстраивает их психическую деятельность, что они мало чем отличаются от душевнобольных в тесном смысле слова, мы признаем невменяемыми, следовательно, принимаем в больницы. Остается огромная масса психопатических личностей более поверхностно изуродованных психически, но преступных часто в силу своей психической дефективности. Это те психопаты, про которых *Поллиц* говорит, что они «слишком здоровы для больницы и слишком больны для тюрьмы». Вот для этих психопатов совершенно естественно возникает мысль о постройке специального учреждения, возглавляемого психиатром. В этом учреждении, как верно говорит *Шульце*, «должен быть более бдительный надзор, большой выбор полезных занятий (ремесел и земледелия), более строгое принуждение к труду, чем это практикуется и допустимо в обыкновенных психиатрических больницах, и, наконец, вся постройка со всеми приспособлениями должна отвечать своеобразию ее обитателей». Далее *Шульце* замечает: «С теоретической точки зрения вряд ли можно сделать какие-либо возражения против требования такого рода учреждения. Но тотчас же поднимается практическое соображение, располагает ли государство достаточными средствами для постройки такого промежуточного между тюрьмой и больницей учреждения». И на последний вопрос для Германии он отвечает отрицательно. Я думаю, что и мы вряд ли располагаем достаточными средствами в настоящее время.

И *Ашаффенбург* говорит о таком промежуточном учреждении для психопатов, у которых не болезнь, а опасность для общества стоит на первом плане. Для таких психопатов не может быть построено психиатрическое учреждение, но оно должно приближаться к типу тюрьмы. Для большинства этого рода психопатов вполне пригодны, по мнению *Ашаффенбурга*, сельскохозяйственные поселения, при которых должно быть маленькое отделение для возможного состояния сильного возбуждения некоторых поселенцев. Он протестует против краткосрочных заключений в работные дома и тюрьмы, и стоит без определенного срока за длительное поселение антисоциальных психопатов в этих сельскохозяйственных поселках, ибо опыт учит, что большинство их становятся даже в работных домах очень прилежными рабочими и в труде вовсе уж не так трудно переносят ограничение своей свободы. Во всяком случае, это лучше, чем после короткого срока наказания выбрасывать этих людей на еще более короткий срок на улицу, откуда они, вновь совершая преступление, попадают в тюрьму. Но для всякого правонарушителя, по мнению *Ашаффенбурга*, от душевнобольного до здорового преступника имеет силу одна и та же формула: «Приспособление защиты общества от правонарушителя к индивидуальности его».

Но прежде чем индивидуализировать средства общественной защиты, нужно изучить индивидуальный облик правонарушителя. С этой стороны подходят американцы и решают в последнее время вопрос чисто практически. Они организуют психологические лаборато-

рии при судах, тюрьмах, а лабораторный диагноз состояния осужденного рассматривается как необходимое условие индивидуализации наказания и успешности его действия⁹². Мало того, они организовали тюрьму-приемник, в которой имеется ряд медицинских клиник, психопатологическая лаборатория, штат для психотехнического анализа и штат социальных обследователей. Ведает этим приемником врач-психиатр. Из тюрьмы-приемника, результатами наблюдения которой пользуются суды при вынесении приговоров, осужденные направляются в учреждения, приспособленные к психическому облику осужденного. Словом, американцы реформируют свои тюрьмы, внедряя в них медицинско-психиатрическое влияние.

Я думаю, что это тот путь, которым сможем идти и мы. Если мы против тюремных навыков в психиатрической больнице, то, я думаю, мы все будем за психиатрические навыки в тюрьме. Прогрессивный характер советской пенитенциарной системы, с ее рядом различных пенитенциарных учреждений – от тюрьмы изоляторного типа через переходные исправительные трудовые дома с их трудовым режимом, внутренней свободой и отпуском на волю до трудовых сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных колоний, а также стремление опекать преступника вне тюрьмы: этот характер во многом совпадает с нашими пожеланиями. Все эти тенденции могут быть использованы для устройства наших психопатов. И от нашего психиатрического внедрения в тюрьмы, может быть, выиграют и так называемые здоровые преступники. Наша задача – организовать психопатологические кабинеты при тюрьмах, организовать криминальные клиники, которые, изучая преступника, вырабатывали бы и меры защиты общества от него, и меры индивидуального исправительного воздействия на самого правонарушителя, пользуясь всем гибким аппаратом нашей теперешней пенитенциарной системы и внося в него наши психиатрические навыки.

Однако конечная цель всякой медицинской работы – это профилактика, предупреждение болезни. И на горизонте борьбы с антисоциальными формами психопатий, может быть, самая важная и самая благодарная задача – это предупреждение развитий психопатий, это медико-педагогическая борьба с детскими и юношескими психопатиями. Вехи этой работы достаточно широко и определенно уже поставлены у нас в советской России.

В заключение не могу не сказать несколько слов о прогнозе занимавшего нас в этой статье явления. Мне кажется, что психопатическая волна, поднятая войной и захлестывающая страну, сама по себе должна значительно улежаться. В мирных культурных условиях и психопаты найдут себе место не только в антисоциальном, но и полезном для общества действовании. Преступления – это в большинстве случаев примитивные человеческие действия, для них имеются в культурном обществе соответственные эквиваленты социального поведения, на которые способны и наши психопаты. Как будто Ашаффенбург разделяет эту мысль, когда говорит про увеличение преступности после войны: «Мы живем в большое время, в исключительном состоянии, и огромное распространение и обострение преступных склонностей должно расцениваться как симптом этого времени, который, надо надеяться, скоро исчезнет».

Е.К. Краснушкин

⁹² Люблинский П.И. Журнал «Право и жизнь». № 5–6. С. 121.

Изучение личности преступника в СССР и за границей

Кабинет по изучению личности преступника и преступности⁹³

Изучение личности преступника начинается приблизительно 50 лет тому назад. Оно открывается знаменитым «Экспериментальном антропологическом трактате о преступном человеке» *Цезаря Ломброзо* (*Trattato allteopologico sperimentale dell'uomo delinquente*), появившемся на свет 5 апреля 1876 г. В общем, это попытка возродить частью физиогномическое учение *Лафатера*, по которому человек с большой нижней челюстью обладает не только внешним сходством с гориллой, но и всеми душевными качествами последнего, а частью учения *Галля*, определявшего психические способности по буграм на голове. И, таким образом, преступник по *Ломброзо* – это особая по психофизическим свойствам порода человека. Отсюда его учение о врожденном преступнике, как атавистическом варианте человечества, как о дикаре, как об эпилептоиде, как о душевнобольном. Таков был воистину «варварский», по выражению немецких юристов, «набег психиатрии на юриспруденцию». Однако как из Галлевской френологии развилось правильное учение о мозговых локализациях, а из Лафатеровской физиогномики сейчас нарождается верная идея о корреляции между телесной и психической конституцией человека, так и одностороннее и ошибочное учение *Ломброзо* послужило бродилом в деле изучения преступника, вызвав бесконечный спор между криминологами разных школ. А в споре рождается истина. В первую очередь антропологическая школа в значительной мере способствовала окончательной ликвидации так называемой классической школы в криминологии, объяснявшей преступление пресловутой «злой волей» преступника и изучавшей не живого преступника, а отвлеченную природу преступления. Вместе с тем в противовес школе *Ломброзо* выросла социологическая школа, изучавшая преступность как социальное явление и доказывавшая статистическим путем решающее значение социальных факторов в происхождении преступности. А с другой стороны, и психиатры, по почину и благодаря работам *Бэра*, а затем *Кирна* и нашего русского анатома *Зернова*, освободившись от гипноза блестящих антропологических выкладок *Ломброзо*, продолжали индивидуальное биологическое и психологическое изучение преступника и пришли к заключению, что врожденного преступника нет, что хотя огромная масса преступников представляет собой людей психически и физически неполноценных, но и это имеет биосоциальные причины (нищета, алкоголизм, сифилис, дурное воспитание и т. п. – *Ашаффенбург*).

Таким образом, и социологи, и психиатры шли разными дорогами, не замечая, как пути их скрещиваются. И только последние 10–15 лет в Америке оба эти течения, индивидуально биологическое и социологическое, начинают сливаться, давая высокой продуктивности результаты. *Люблинский*, описывая криминальные лаборатории в Америке, так характеризует эту новую американскую школу: «Новое психологическое учение о преступнике основывается не столько на изучении индивида, как изолированной от всего окружающего особи (ошибка, сделанная Итальянской школой), сколько на изучении его, как активного элемента в определенной социальной среде». И далее *Люблинский* заключает эту характеристику следующими словами: «В прошлом уголовная этиология (учение о факторах преступности) шла по пути резкого обособления индивидуальных и социальных факторов преступности, причем спор о преобладающей роли тех или иных казался неразрешимым. Новое направление синтезирует обе эти

⁹³ *Краснушкин Е.К.* Кабинет по изучению личности преступника и преступности // Изучение личности преступника в СССР и за границей: сб. ст. М.: Изд. Мосздравотдела, 1925. С. 21–35.

группы, устраняя двойственность в этом вопросе и вводя один только фактор: человеческую личность, изучаемую в ее реакции на окружающую социальную среду».

Америке принадлежит и первый почин широкой постановки лабораторного исследования преступника. Там уже намечены основные типы преступника. Их четыре. Это:

1) психопатологические лаборатории при судах, ставящие психологические диагнозы личности преступника для суда и имеющиеся уже в целом ряде городов (Бостоне, Чикаго, Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе и т. д.);

2) психопатологические лаборатории при тюрьмах, имеющие еще более широкое распространение, чем лаборатории при судах;

3) передвижные лаборатории, наезжающие в тюрьмы, не имеющие своих лабораторий;

4) тюрьма-распределитель Синг-Синг в Нью-Йорке с психиатром *Бернардом Глюком* во главе, располагающая целым рядом лабораторий по разным специальностям; пропускающая через них преступников, она распределяет их по разного типа тюрьмам, соответствующим по своему пенитенциарному аппарату психофизическому типу направляемого в них преступника.

Первые три типа лабораторий возникли в Америке в 1916 г., последняя тюрьма-распределитель – в 1920 г. Во всех этих лабораториях мирно работают рука об руку психиатр, психолог и социолог.

У нас, в Москве, кабинет по изучению личности преступника и преступности возник и сконструировался совершенно независимо от идеи американских лабораторий, так как два года тому назад мы еще не имели распоряжения американской литературы по этому вопросу. И в Западной Европе не было для нас подходящего образца. В апреле 1923 г. по инициативе тов. *В.Л. Орлеанского*, в то время начальника отдела управления Московского совета, было произведено анкетное обследование населения ардомов Москвы. Анкета была составлена представителями трех специальностей: социологом, психиатром и антропологом. Результаты этого анкетного обследования приблизительно 2000 заключенных Московских ардомов, произведенного студентами факультета общественных наук и частью медицинского факультета – 1-го МГУ, под руководством специалистов, оказались настолько интересными и ценными, что совершенно естественно возникла мысль об организации постоянного обследования преступников. Мысль эта и была осуществлена учреждением при административном отделе Моссовета кабинета по изучению личности преступника и преступности согласно постановлению Президиума Московского совета от 11 июля 1923 г. Понятно, что кабинет сконструирован в отношении состава входящих в него специальностей, в основном – по плану упомянутого анкетного обследования. В него вошли, как обязательные, члены, психиатры, социологи и антропологи. К этим основным специальностям были добавлены постоянные сотрудники современного психиатрического исследования личности, представители еще двух специальностей: психолог и биохимик. Через некоторое время определилась новая потребность в изучении преступника: кабинет удовлетворял только амбулаторному исследованию, а для детального и углубленного изучения личности преступника необходимо стационарное наблюдение его в специальной клинике. И такая клиника была основана в декабре 1923 г. в отведенном под нее маленьком, заново отремонтированном Арбатском арестном доме.

Идея криминальной клиники не нова. Еще в 1863 г. на съезде немецких юристов в Майнце *Фолькмар* проектировал организацию юридической клиники как вызванную практическими потребностями. Позднее, на первом интернациональном конгрессе криминальной антропологии в Риме (1886–1887), *Молешиотт* и *Ферри* также выступали с проектом криминальной клиники. И, наконец, в 1914 г. с тем же предложением – устройства криминальных клиник, которые должны учить судей и пенитенциарных работников знанию людей и их правонарушений, на живом преступнике «в его развитии и жизненном цикле вплоть до дня совершения им преступления» – выступал *Ашаффенбург*. Однако идее этой посчастливилось впер-

вые осуществиться в нашей Республике, ибо Западная Европа и по настоящее время таких клиник не знает.

Однако еще не успевшему стать на ноги молодому учреждению уже в январе 1924 г. угрожала опасность быть ликвидированным. В связи с сокращением расходов и смет Московского совета и, в частности, отдела управления, нашему кабинету предстояло закрытие. Но Мосздравотдел, по Подотделу Медицинской инспекции мест заключения, еще во второй половине 1923 г. проектировавший организацию клинического изучения преступника по московским местам заключения, принял в свое ведение кабинет, не только сохранив ему «жизнь», но и расширив горизонт его деятельности, предоставляя ему возможность исследовательской работы во всех местах заключения Москвы.

Таким образом, в марте 1924 г. кабинет вместе с Арбатской криминальной клиникой перешел в ведение Медицинской инспекции Мосздравотдела. С переходом в Мосздравотдел ясно определилась и идеологическая позиция кабинета.

Работами *Кирна* и *Берна*, этих пионеров в деле опровержения учения *Ломброзо* о врожденном преступнике, устанавливается, что, по крайней мере, привычные преступники стоят в своем умственном развитии ниже общего человеческого уровня. Это же подтверждает и работа *Гентига*, говорящая о психофизической малоценности преступников как о продукте наследственности и развития. *Ашаффенбург* говорит о слабой породе людей, оказывающих мало сопротивления бурям жизни, рождающихся такими вследствие социальных дурных условий, как: нищета, бедность, пьянство и болезни родителей, и называет их *социально негодными*. Кадры преступников и пополняются этими психически недостаточными людьми. Ярким подтверждением этих немецких работ являются новые работы упомянутых выше американских лабораторий. Согласно данным пяти Нью-Йоркских тюрем за 1918–1922 гг., процент психически неполноценных колеблется в пределах от 57 до 61,70 % всего населения тюрем. Таким образом, прав *Бонгер*, представитель левого марксистского фланга социологической школы криминологии, утверждающий, что «различия, коренящиеся в природе человека, велики, и эти различия выявляются также в сфере предрасположения к преступности. Проявления этих различий подчинены правильной закономерности (закон *Кетле*). Станут ли люди, предрасположенные к преступности, преступниками в будущем, это зависит от той обстановки, в которую они попадут. Так именно мы должны понимать глубокого смысла выражение *Кетле*: общество подготавливает преступления, а преступник (т. е. человек, предрасположенный к преступности) выполняет их»⁹⁴.

Конечно, в происхождение этого «предрасположения к преступности», выражающегося, согласно достаточно большому и вескому материалу обследования преступников, в психической неполноценности предрасположенного и в силу этого недостаточной социальной приспособляемости его, играет далеко не преимущественную роль наследственность, как это думают *Гентиг* и *Ашаффенбург*, но и целый ряд физических болезней, оказывающих влияние на индивидуальное развитие преступника, как-то: сифилис, алкоголизм, кокаинизм, инфекционные, по преимуществу эпидемические заболевания, словом, болезни, недаром названные по своему распространению и последствиям – социальными. Но и большинство чисто социально вредных факторов, порождающих преступность, делают больной, аномальной психику подверженного им субъекта. Так, естественным следствием нищеты и бедности, помимо указанных болезней, является голодание, истощение организма, приводящие к ослаблению и психику, в особенности когда они падают на еще незрелый детский или юношеский организм. И не медики, а педагоги и социологи говорят, что дурное воспитание, беспризорность и т. д. уродуют характер ребенка, развивая в нем антисоциальные склонности, говорят о *социальной запущенности* ребенка, а это на нашем врачебном языке означает, что они делают его характер, его пси-

⁹⁴ *Бонгер В.А.* Преступность и борьба с ней // Проблема преступности (Проблемы марксизма. Сборник 2). С. 102.

хику аномальными, они творят больные характеры, они порождают психопатов. Да и само так называемое наследственное вырождение, согласно современному научному пониманию его, не что иное, как продукт всей суммы указанных выше социальных болезней и социальных факторов. Наконец, годы войны и революции рассеивают метафизический туман в отношении действия на психику душевного потрясения и вскрывают в психогении (в болезнях, вызванных психическими причинами) физиологические материальные явления организма, оставляющие иногда стойкие психофизические изменения личности. Мы знаем теперь, что любое эффективное состояние вызывает через автономную нервную систему и железы внутренней секреции изменения в химизме животного организма, а химизм определяет, по выражению немецкого психиатра *Эвальда*, биотонус психических процессов или темперамент субъекта. Так, *М.О. Гревичем* описаны у детей излечимые, но довольно длительные аномалии характера или психопатии, выразившиеся по преимуществу в антисоциальном поведении и развившиеся под влиянием ряда душевных потрясений военного и революционного времени. Тут же уместно будет сказать, что старая психология переживает в настоящее время кризис благодаря угрозе быть поглощенной физиологией с ее учением об условных рефlekсах и так называемым *бихевиуризмом* (психологии поведения). Из всего сказанного, я думаю, ясно, что дело изучения личности преступника должно находиться в руках биолога – специалиста, изучающего аномалии психофизической личности человека. Такими специалистами являются врачи-психиатры, владеющие именно в силу своей специальности биолого-психологическими методами исследования индивидуальности. Недаром и в деле учения и классификации нормальных темпераментов и характеров сделано больше всего врачами и особенно психиатрами. Что это так, достаточно назвать имена врачей древности – *Гиппократ* и *Гален*, создавших учение о четырех темпераментах, а в современной науке имена психиатров – *Клагеса*, *Кремера* и русского врача-психиатра *Лазурского*, этих основоположников современной науки о характерах. Но отдельное правонарушение, эта антисоциальная реакция отдельной личности составляет только частицу целого социального явления, именуемого преступностью, которой управляют законы жизни целого общества. Казалось бы, целостный социальный характер явления противодействует расчленению его, могущему нарушать правильное социальное понимание его, и исключает изучение его из круга биологической методики. Однако те же социально-экономические законы правят распространением, течением и характером всех болезней в различных группах общества и требуют социального подхода к любому индивидуальному заболеванию – иначе оно не может быть правильно и полно понято и излечено. Отсюда курс нашей советской медицины на клинику социальных болезней, ни в каком случае не исключаящей и индивидуального изучения болезни, а только диалектически углубляющей его. Это, во-первых. – А во-вторых, и пенитенциарная политика постулирует изучение именно личности преступника как практическую задачу приспособления своего исправительного воздействия к индивидуальности правонарушителей. Уметь приспособить каждого данного преступника к социальной жизни, исходя из индивидуальных возможностей его личности, вот конечная и, я бы сказал, психотехническая задача практического работника пенитенциарного дела. И тут психиатры могут прийти на помощь со своим уже вековым опытом призрения душевнобольных. Истоки нашего современного психиатрического призрения начинаются в тюрьме. Совершенно естественно, что душевнобольные привлекали к себе внимание общества своими опасными поступками, и потому первоначальная форма призрения душевнобольного – это заключение его в тюрьму. Таково призрение душевнобольных в XVIII в. Им отводят только специальные тюрьмы, как «дурацкая башня» в Вене, «сумасшедшие ящики» в Берлине, Беддам – в Лондоне, тюрьма *Бисетр* в Париже. Все это – настоящие тюрьмы, ничем не отличающиеся от тюрьмы для душевноздоровых и по режиму: те же цепи, те же палочные удары. Великая французская революция рукой психиатра *Пинеля* сняла цепи с душевнобольного и «возвела его до достоинства больного». Однако вековые предрассудки в отношении душевнобольных держат их еще

почти весь XIX в. в крепких тисках всяких мер стеснений, горячечных рубашек, наручников, масок для кричащих, изоляторов и т. п., и только во вторую половину XIX в. провозглашается как принцип лечения и призрения, система нестеснения (*no restrain*), остающаяся во многом и сейчас еще только идеалом. Дом с открытыми дверями и окнами, с мастерскими, огородами, пашнями, с внутренним уютом и теплом, с развлечениями, с минимумом насилия над личностью, весь проникнутый взаимным доверием между пациентом и медицинским персоналом – вот в основных своих тенденциях современная психиатрическая больница. Больница теперь уже не пожизненное заключение больного, даже хроника, как это было еще недавно, но учреждение, где должно произойти перевоспитание, социальное приспособление и неизлечимого душевнобольного, ибо длительное пребывание в больнице ведет к одичанию. Отсюда патронаж, посемейное призрение, наконец, диспансеризация душевнобольных. Все это достигается только углубленным и детальным социально-психиатрическим знанием каждого душевнобольного, которое позволяет предвидеть его поведение в любой обстановке – в обстановке больницы и на воле, в нормальной среде общества. Только знание больного позволяет психиатру гарантировать безопасность больного для самого себя и для общества.

Вот тот путь, который прошла практическая психиатрия, рожденная в стенах тюрьмы. На ту же дорогу выходит и современная пенитенциарная наука. И если Французская революция сняла цепи с душевнобольного, то Великая русская социальная революция снимет их и с преступника. А на эту дорогу ведет изучение индивидуальности преступника, которое так же, как и знание личности душевнобольного, позволит предсказывать поведение правонарушителя в любой обстановке и приспособить его к социальной жизни или, выражаясь медицински, излечить его от антисоциальных склонностей.

Таким образом, поскольку для нашего социалистического государства преступность естественно является социальной болезнью, поскольку у нас и во всяком индивидуальном исследовании личности, страдающей той или иной болезнью, должен быть всегда социальный подход (яркий образчик организации такого изучения болезни представляет Институт профессиональных заболеваний имени В.А. Обуха⁹⁵), поскольку преступление свидетельствует о биологической недостаточности социальной приспособляемости личности правонарушителя (биологической недостаточности, порожденной, как ясно из всего раньше сказанного, по преимуществу социальными факторами) или, как говорит *Бонгер*, о «предрасположении к преступности», и, наконец, поскольку индивидуальному исследованию психической личности надлежит быть в руках врача-психиатра, давно уже владеющего всеми методами индивидуального исследования, кабинет и клиника по изучению личности преступника и преступности должны находиться в ведении здравотдела. Изучение преступника и преступности можно приравнять к изучению профессиональных заболеваний. Мысль, определяющая нашу позицию в этом кабинете: если социолог изучает социально-экологическую среду, в которой вырастают и развиваются различные типы преступников и их преступления, или, иными словами, среду, специфически обуславливающую данный вид преступления и данный тип преступника, то мы, биологи, изучаем саму индивидуальность преступника во всей ее психофизической профессиональной сложности, развивающуюся на этой среде и в зависимости от нее, и механизмы личности, действующие в преступлении как тип реакции изучаемой индивидуальности. Выражаясь по-медицински образно, социолог анализирует питательную среду (агар-агар, бульон, крахмал и т. д.), на которой развился данный микроб, а мы, биологи, определяем породу и качества его, обусловленные этой средой и определяемые свойствами последней.

Как же складывается работа кабинета и клиники?

⁹⁵ Сейчас – Научно-исследовательский институт медицины труда имени академика Н.Ф. Измерова. URL: <https://iriioh.ru/institute-history/>

В кабинете, входящем в помещение Московского губернского управления уголовного розыска (МГУУР), ведется постоянное амбулаторное обследование попадающих в МГУУР правонарушителей. Эта работа производится врачами-психиатрами по так называемой малой анкете, содержащей социалистические и психиатрические вопросы. Анкета составлена так, чтобы в коротких и ясно сформулированных вопросах охватить весь облик преступника в его социальном и биологическом генезе и дать короткую характеристику связи между совершенным правонарушением, личностью преступника и социальными условиями. Тут и вопросы о социально-экономических условиях развития личности, тут и вопросы о наследственности, о развитии и болезнях детского и зрелого возраста, тут и характеристика его темперамента, его характера, его влечений, наконец, тут и характеристика его соматического здоровья и состояния его умственных способностей. Совершенно понятно, что формальное заполнение такой анкеты не может иметь никакой ценности, ибо она является только планом обследования личности; надо иметь большое умение подойти с таким расспросом к исследуемой личности, чтобы получить объективно достаточно-ценный материал. Вот это последнее и достигается тем, что расспрос ведется психиатром, который сверх того о своем заключении вносит коррективы всему субъективному, имеющему место в таком обследовании, определением психического состояния и характеристикой поведения исследуемого. Через такую анкету прошли в настоящее время уже 3300 человек. Кроме того, производится по двум анкетам, по антропометрическому и семейному листкам, амбулаторное обследование заключенных МГУУР и антропологом. Последним обследованы 410 человек. И, наконец, около 350 заключенных обследованы по подробной социологической анкете. Кабинетом сделан также первый шаг работы за пределами МГУУР – это организация летучей лаборатории в Новинскую женскую тюрьму, где были обследованы до 30 женщин-убийц. Однако, как я уже говорил, детальное и углубленное обследование объективной проверкой всех данных производится представителями всех специальностей в нашей Арбатской криминальной клинике. Клиника наша – очень маленькое (всего 14 камер), но зато чистенькое – и надо отдать должное заключенным, чистенькое именно благодаря им, – учреждение. Но она чиста не только внешне, но и внутренне, морально, хотя в ней содержатся «преступники» – в ней вы не услышите обычной тюремной брани; как исключение встречается в ней воровство и столкновение между заключенными. А между тем режим внутри нее так же свободен, как во всякой гражданской больнице. Камеры не закрыты, заключенные свободно общаются друг с другом. Проводниками идей кабинета в клинике являются наблюдатели, постоянно дежурящие и ведущие специальные дневники о заключенных. Их всего шесть человек. Это лица частью с высшим, а частью с незаконченным высшим образованием. Их влиянию следует приписать в немалой доле ту прекрасную духовную атмосферу, которая царит в клинике. И это при отсутствии мастерских и при минимальных развлечениях, которые мы имеем возможность предоставить нашим заключенным⁹⁶.

Что курс режима клиники, основывающийся главным образом на полном уважении к человеческому достоинству правонарушителя и в силу этого оказывающий социализирующее влияние на него, взят верно, лучше всего свидетельствует имевший в августе прошлого года место следующий тяжелый инцидент: молодой парень, убивший с целью ограбления своих дядю и тетку, пробыв всего неделю в клинике, организовал попытку побега, подговорив еще двух наших старых клинических «питомцев» – одного вора-рецидивиста и бандита. Ночью они втроем напали на дежурного милиционера и, взявши его «на хомут» (захватив голову его через шею рукой как петлей), втащили в уборную, чтобы там запереть. На шум из дежурной комнаты вышла наблюдатель *Щеглова* (в прошлом, кстати сказать, психиатрическая надзирательница). Не растерявшись, она схватила одного из них – вора-рецидивиста – и втокнула его в дежурную комнату, приказав ему сидеть там. Затем бросилась освобождать из рук двух других милици-

⁹⁶ Мастерская с 1925 г. уже открыта.

онера. Тогда «новичок» нашей клиники – грабитель-убийца – вытащил бутылку и со словами «пора это кончить» готов был нанести Щегловой удар по голове. Но был остановлен бандитом, просидевшим несколько месяцев в клинике. Таким образом, была разрушена попытка побега одной наблюдательницы против трех тяжелых правонарушителей.

Насколько отразились в данном случае взаимоотношения заключенных и персонала, насколько является исключительным в летописях тюрьмы поступок бандита, который в разгар борьбы за побег бросился на помощь и на защиту от своего товарища наблюдающей, разрушающей этот побег, обо всем этом случай сам по себе достаточно ярко говорит. Следует добавить, что за все время существования клиники других каких-либо дисциплинарных проступков заключенных не было.

За год существования клиники через нее прошли около 106 человек. Единоновременно она вмещает около 30 заключенных.

По известном сроке наблюдения преступника (иногда месяц-полтора – иногда короче) и обследования его всеми специалистами, психиатром, социологом (социолог обследует место преступления, семью преступника и притоны, где он жил), антропологом, психологом и биохимиком, он представляется на конференции всех работников кабинета, причем специалисты докладывают каждый свое заключение, характеристику и прогноз, а общее заключение делается психиатром. Через такой детальный разбор прошли около 38 человек заключенных, представляющих особый интерес. Кроме этих разборов, происходящих каждую неделю, на конференции было сделано девять докладов на различные темы по изучению преступника и преступности.

Вот некоторые из этих докладов, имеющие более общий интерес:

- 1) *Гернет* – «О классификации преступников»;
- 2) *Гернет* – «О татуировке»;
- 3) *Гернет* – «Об изучении самоубийств»;
- 4) *Бунак* – «О физиогномике преступников»;
- 5) *Бунак* – «Современное состояние учения о врожденных особенностях преступников»;
- 6) *Рапопорт*. – «О кокаинистах-преступниках»;
- 7) *Сегалов* – «К вопросу о языке воров в связи с их мышлением».

И, наконец, две наши конференции расширенного состава были посвящены специальными вопросам: вопросу о самоубийстве и о проституции; в результате этих конференций были выработаны анкеты по обследованию покушавшихся на самоубийство и проститутки, а также предпринято и произведено до 500 обследований, покушавшихся на самоубийство.

Совершенно понятно, что нашим научным топливом являются книги и журналы. И тут наш кабинет успел основать небольшую библиотеку в 100 экземпляров книг по криминологии и выписывает 18 журналов (американских, бельгийских, английских, французских, немецких, итальянских и русских).

В процессе исследовательской деятельности кабинета обозначилась и программа работ по специальностям на ближайшее время.

Социологическое изучение преступности обнимает исследование преступности как социально-экономического явления; выясняет место преступности среди других социальных феноменов и ее соотношение с ними; изучает законы, управляющие движением различных преступлений и всей преступности в целом, и наконец отыскивает такие типические черты у представителей различных видов преступности, которые дают возможность говорить о социальном типе или, вернее, о социальных типах представителей преступного мира во всех его разновидностях.

Психиатрическое изучение исследует психопатические личности современной преступности, взаимоотношение между психопатией и преступностью, влияние психической индукции на преступность со стороны психопатов; рассматривает индивидуальные механизмы пре-

ступления у здоровых и больных, психофизическую конституцию здорового преступника; изучает влияние на развитие личности преступника и на его поведение экзогенных и эндогенных факторов; социальные причины дегенерации как фактора преступности; изучает с медико-психиатрической точки зрения преступность как явление профессионального характера и, наконец, разрабатывает классификацию преступников по их индивидуальным свойствам и психиатрические принципы в пенитенциарной политике.

Психологическое изучение рассматривает механизмы характера и поведения преступника, выясняя как те из них, которые эндогенны личности, так и те, которые занимают пограничное место между нормой и ненормальностью.

Антропологическое изучение рассматривает функциональные и морфологические типические особенности преступника, исследуя его конституцию, гигиеническое состояние (физическое развитие), расовые особенности, половые, возрастные признаки, плодовитость, мимику, производя главнейшие функциональные измерения (силу рук, температуру и пр.), головные измерения, собирая генеалогию, фотографии, почерки и пр.

Намечено также биохимическое исследование, которое ставит своей задачей изучение желез внутренней секреции, вегетативной нервной системы и высшей нервной деятельности у преступников (метод условных рефлексов).

Такова научная работа нашего кабинета. К сожалению, научная работа еще не нашла себе места в печати. Конечно, кабинет нуждается в постоянном органе печати, отражающем направление и характер его работы, так как и интерес к нему обнаруживается во всех концах Советского Союза. Об этом свидетельствует ряд запросов из разных мест Республики, от Ленинградской губернской инспекции мест заключения, от Научно-технического отдела ОУР ЦАУ НКВД, от Уголовного розыска Татарской Республики, из Одессы, Костромы, Иваново-Вознесенска, Ростова. Просят дать не только сведения о характере деятельности кабинета, но и руководящие советы по организации аналогичных кабинетов по изучению личности преступника и преступности на местах. Просят выслать печатные труды кабинета. Таким образом, идея изучения преступника, с легкой руки Московской организации, имеет и у нас в Республике, тенденцию к такому же распространению, как и в Америке. Но нами интересуются не только на родине, но и за границей. Кабинетом получены запросы об организации кабинета из Германии, Франции и Италии. И сам кабинет завязал научные связи с западноевропейскими и американскими организациями, имеющими отношение к изучению преступника и преступности, как, например, с Парижской лигой психической гигиены, Нью-Йоркским национальным комитетом психической гигиены, таким же Комитетом в Канаде, с канадскими судами для несовершеннолетних.

Но помимо этой научной стороны деятельности, у кабинета и клиники есть сторона их практической работы, вытекающая из первой. Суды начинают обнаруживать интерес к психологической экспертизе кабинета, и кабинет уже несколько раз получал запросы из судов о характеристике наших заключенных. Для производства такой экспертизы в недавнее время были направлены в клинику заключенные и от следователей. Наконец, мы делаем, пока в порядке осторожного эксперимента, попытку организации патроната, устраивая заключенных, освобождающихся из клиники и подающих надежду на исправление, на работу через биржу труда и отдел производственных предприятий административного отдела Московского совета. Всех этих «питомцев» клиники мы держим под постоянным своим наблюдением и психотерапевтическим влиянием. О результатах этих опытов рано еще говорить, можно только вообще сказать, что есть удачные и есть неудачные случаи. Случаев мало, и потому они еще не допускают никаких выводов.

Мне кажется, интересной оценкой всей практической стороны деятельности кабинета является мнение самих заключенных, направленное в газету в тот момент, когда кабинету и клинике угрожало закрытие.

Вот его текст:

«Мы, заключенные Арбатской клиники, находящиеся в ведении научного кабинета при административном отделе Московского совета РК и КД, выносим свою глубокую благодарность бывшему начальнику этого отдела – тов. Орлеанскому – как одному из лиц, поставивших нас в хорошие условия заключения, где многих из нас стало ясным, что существует другая, более хорошая, чем наша жизнь, к которой мы будем стремиться всеми силами. Будем надеяться, что его преемники пойдут тем же путем, как и он.

12 февраля 1924 г.».

Это коллективная реакция заключенных на новую, экспериментально-организованную обстановку – дает работникам кабинета уверенность в том, что и руководящие идеи его ведут на верный новый путь изучения преступника и приспособление его к социальной жизни.

Е.К. Краснушкин

Преступник и преступность

Сборник I

Что такое преступник?⁹⁷

В 1924 г. в «Основных началах Уголовного законодательства СССР и Союзных Республик» изгоняются слова «наказание» и «кара». Новый закон не карает, не наказывает правонарушителя, но применяет к нему меры социальной защиты. Применение же мер социальной защиты обусловлено опасным состоянием правонарушителя, но не его виновностью.

«Все меры социальной защиты», как говорится в основных началах, «должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физического страдания и унижения человеческого достоинства». Теперь нет прежнего «чистилища»-тюрьмы, нет мертвого дома, в советском месте заключения должен господствовать принцип приспособления правонарушителя к социальной жизни, содержание в нем стремится «к укреплению тех черт характера и навыков правонарушителя, которые могут удерживать его от дальнейших преступлений», и в соответствии с этим принципом организуется режим мест заключения с его культурно-просветительным и трудовым воздействием на заключенного.

Дом с закрытыми дверьми, но не навеки, а открывающимися очень скоро для отпусков на волю перед исправляющимся правонарушителем, дом с очень многими рабочими цехами, допускающими возможность выбора каждому заключенному труда «по душе», дом с физкультурой, со школой, с кинематографом, театром, библиотекой, с хорошо организованным медицинским надзором по всем специальностям, со стремлением развивать самостоятельность и склонность к социальным навыкам у заключенных – таков исправдом в его конечных устремлениях. Установленный на эти цели режим такого исправдома, преследующего в отношении правонарушителя цели социальной защиты, а не наказания, ставящего задачей социальное приспособление правонарушителя, предупреждение антисоциального поведения его, воздействующего на личность правонарушителя не причинением страдания, но педагогическими мерами, просвещением, приучением к труду, развитием профессиональных навыков, самостоятельности и т. д., – *все это позволяет провести аналогию между ним и психиатрической больницей*, преследующей также цели социальной защиты общества от опасного душевнобольного и также стремящейся приспособить его путем излечения или воспитания к жизни в обществе. Эта аналогия может быть проведена дальше в отношении принципов организации различных типов пенитенциарных учреждений и различных типов психиатрических отделений: беспокойным отделениям психиатрических больниц с их крепко запертыми дверьми, строгим и усиленным надзором и рядом приспособлений, рассчитанных на опасных и возбужденных больных, отвечают изоляторы специального назначения для наиболее опасных и тяжелых правонарушителей, крупных растратчиков, бандитов, убийц, тяжелых рецидивистов и т. п.; спокойным отделениям больниц санаторного типа с почти открытыми дверьми, с меньшим надзором, с отпусками домой, трудовым режимом, внутренним уютом, развлечениями для спокойных и выздоравливающих больных соответствуют исправительно-трудовые дома пенитенциарной сети учреждений, предназначенные для более легких правонарушителей, для подающих надежду на исправление, для мелких должностных преступников, воров, мошенников с однократной судимостью; слабым отделениям больниц – колонии для туберкулезных и

⁹⁷ Краснушкин Е.К. Что такое преступник? // Преступник и преступность. Сборник I. М.: Изд. Мосздравотдела, 1926. С. 6–33.

других больных заключенных; психиатрическим колониям – трудовые сельскохозяйственные и фабрично-заводские колонии и т. д.

Эта аналогия углубляется, если к сказанному прибавить, что как в психиатрической организации душевнобольные соответственно их опасности, их состоянию, их социальной пластичности переводятся из одного отделения в другое, переводятся с одного режима на другой, так и правонарушители, в зависимости от их исправления или, иными словами, опять-таки в зависимости от их социальной пластичности, переводятся распределительными комиссиями из одного пенитенциарного учреждения в другое.

Мне думается, что такая аналогия между этими двумя рядами организаций не случайна, но вытекает из тождества объекта, на который воздействуют эти организации: и там и тут это – человеческая личность, нарушающая своим поведением установленный в данном обществе социальный порядок, нарушающая гармонию того «социального пространства»⁹⁸, в котором она живет. Но это еще не значит, что каждый преступник – душевнобольной человек, как это полагал Ломброзо, не значит и того, что каждый душевнобольной является преступником.

Как все человеческое общество, как всякая отдельная часть его, так и та часть общества, которую называют «преступным миром» с психиатрической точки зрения, имеет смешанный состав. В нее входят

- 1) душевнобольные;
- 2) психопатические личности;
- 3) умственно отсталые (олигофрены);
- 4) душевноздоровые.

Что криминогенное значение душевных болезней велико, об этом свидетельствует частое фигурирование наших пациентов на суде, это вытекает и из самого существа душевного расстройства. «Сумасшествие», этот не медицинский, но, по выражению американского психогигиениста Уайта⁹⁹, «социальный термин», обозначает некоторые виды социально-неадекватного поведения.

О связи душевных болезней с преступностью особенно свидетельствует процент душевнобольных в преступной группе человеческого общества, значительно превышающей таковой остального населения: так в Пруссии для всего населения он равняется 2–3 %, для исправительных же тюрем по статистике прусского министерства – 14 %. Замечательно, что и в Москве дело обстоит приблизительно так: для всего населения, согласно переписи 1911 г., он равнялся 3,2 %; мировая война и революция, по-видимому, повысили этот процент, хотя и не на много, если судить об этом повышении его в Ленинграде, согласно данным профессора Осипова приблизительно до 5 %. В местах же заключения, по данным Московской медицинской инспекции мест заключения, процент душевнобольных колеблется в пределах 10–15 %. Но, как известно, расы, нации и группы общества характеризуются не только количественно процентом душевных болезней, но и качественным составом его, процентным соотношением различных форм душевных расстройств, свойственных этим группам людей. Это психопатологический индекс Стерна.

По статистике Стерна на материале Фрейбургской психиатрической клиники за шесть лет, купцы, лица свободных профессий и чиновники чаще всего болеют маниакально-депрессивным психозом и прогрессивным параличом; крестьяне, ремесленники и мастера – ранним слабоумием и алкоголизмом; рабочие стоят посередине в своей склонности ко всем этим психозам. На основании материалов Московского института судебно-психиатрической экспертизы, имеющих в отчете о нем за 1924 и 1925 гг. главного врача института Е.Н. Довбни,

⁹⁸ Термин заимствован мной у Альбрехта, см.: Albrecht. Der anethische Symptomnekomplex. 1921.

⁹⁹ William A. White. The principles of mental hygiene. 1924.

можно говорить о психопатологическом индексе, специфическом для преступной группы общества в Москве: самый высокий процент принадлежит группе психопатических личностей (20,8 % – 1924 г.), куда вошла часть нередких психотических реакций их, а если присоединить к ним естественно связанные с ними яркие психотические реакции, объединенные в группе тюремных психозов, развивающихся на основе психопатической недостаточности личности, а также и родственные с ними психоневрозы, травматический психоневроз, истерию и т. д., то получится высокий процент – около 40,2 % психопатов и психоневротиков с их психотическими реакциями. Следующее место занимают шизофреники, процент которых в 1925 г. возрос, по сравнению с 1924 г.; а дальше в близких друг к другу цифрах представлены органические психозы, эпилепсия, олигофрения и наркомания, и, наконец, оказывается очень ничтожным процент участия в криминальной группе общества маниакально-депрессивных больных, что вполне отвечает социальному характеру этих больных.

Таким образом, криминальная группа людей имеет психопатологический индекс в существенном, характеризующийся очень высоким процентом психопатических личностей и психоневротиков с их психотическими реакциями, довольно высоким процентом шизофрений и ничтожным процентом маниакально-депрессивного психоза.

Это участие в преступной группе общества по преимуществу пограничных с душевной болезнью состояний, психопатов, психоневротиков, истериков и т. д., количеством их, поступающих в Институт, далеко не исчерпывается. Гораздо большее количество их не доходит до Института, ибо они не подлежат психиатрической больнице, ибо это вменяемые люди. Они, по словам Ашаффенбурга

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.